

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

12

Мюнхен - Сан Франциско
1979

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции. — Христос Воскресе!	1
В. Пирожкова. — Антикоммунизм и антисоветизм	2
В. Кобылин. — Недопустимое приятие психологии «Треста»	6
И. Мацкевич. — На пути великого соскальзывания. (Окончание)	9
А. Федосеев. — «Демократический коммунизм» А. Н. Артемова.	15
Авраам Шифрин. — Заговор бездействия	19
Е. Вагин. — Выступление в Австралии	21
С. В. Войцеховский. — Новое о Тресте	25
Д. Штурман. — Ленин. Детали этико-психологического портрета.	26
Уильям С. Шламм. — «Демократизация — конец демократии»	32
Владимир Рудинский. — Обзор зарубежной печати.	34
Информация	40

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 12 Март 1979

САН ФРАНЦИСКО

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

**Христос воскрес из мертвых,
смертию смерть поправ
и сущим во гробех живот даровав.**

Несколько лет тому назад мне пришлось прослушать в передаче немецкого телевидения в первый день Пасхи беседу между ученым-естественником, физиком, и лютеранским богословом. Ученый спросил богослова строгим тоном: «Надеюсь, что вы не относитесь к числу тех модернистских богословов, которые считают, будто наука противоречит вере в телесное воскресение Иисуса Христа?» Молодой богослов смущенно ответил: «Нет, нет, я верю в воскресение». «Ну то-то же, — облегченно вздохнул ученый, — это такое невежество предполагать, что наука противоречит вере в воскресение!»

И в самом деле, те «модерные» западные богословы, которые хотят «подогнать» веру под науку роковым образом берут себе образцом науку 19 века, а не современную науку, не науку 20-го века. Было время, когда ученые, упоенные быстрыми открытиями в области научных закономерностей, ошибочно вообразили, что наш материальный мир и наше трехмерное пространство — это все, что есть и все, что может быть на свете. Теперь наука знает во много крат больше, и она стала во много крат скромнее. Как писал швейцарский писатель Макс Фриш в своей пьесе «Китайская стена», ученые прорыли такой глубокий колодезь, что на той стороне, в его выходе, снова узрели Бога.

Ни один настоящий ученый не будет в наше время утверждать, что наука доказала отсутствие иных миров, иных измерений, иной материи, чем наша земная. Каждый настоящий ученый в наше время знает, что все законы природы, открытые наукой, действительно только для нашего мира, ограниченного тремя пространственными измерениями и временем, только для нашей материи, да и то они не абсолютны

детерминированы. Но ни один исследователь на земле не может ничего сказать относительно того, есть ли миры иных измерений, есть ли иная, преображенная, материя в этих мирах. Они готовы скорее предполагать, что есть, но доказать не могут ни того, ни другого. Математики давно уже освоились с этими мирами: если математики могут вычислить четырех-, пяти-, шести — n — мерные пространства, то для них эти пространства — реальность. Ведь математика — самая точная из всех точных наук.

Иисус Христос воскрес телесно, но это было уже иное тело, преображенное тело. Наша земная материя не служила для него препятствием. Он проходил через закрытые двери, неожиданно появлялся в помещении и неожиданно исчезал, то есть выходил в другое измерение, не перемещаясь внутри трехмерного пространства. Ни для кого, кто занимался естественными науками нашего времени, это не звучит сказочно.

Как уныло примитивны были «аргументы» советских антитеистов, что вот, мол, космонавты поднялись в «небо» и не нашли там Бога. Как будто бы божественным небом кто-либо из верующих считал космос нашего трехмерного ограниченного мира! «Небо» в богословском смысле — это особое существование Бога, а вовсе не материальный космос, как бы велик по своим размерам он ни был.

Но не менее примитивны и уныло убоги дискуссии некоторых западных богословов о том, могла ли быть пустой гробница, куда было положено тело Иисуса Христа, как о том повествует Евангелие. Какое мелкое материальное представление о Боге у этих людей!

Без воскресения Иисуса Христа наша вера тщетна — говорит апостол Павел. Сделать из Иисуса Христа только учителя нравственности, считать важным только Его проповедь, и не верить в воскресение,

— многие пытались так, говоря современным языком, «перефункционализировать» Евангелие. Одной из самых титанических попыток в этом направлении была попытка Льва Толстого. Она была титанической, потому что ее предприняла незаурядная, недюжинная личность. писатель с мировым именем и честный человек, для которого эта попытка была не игрой ума, не времяпрепровождением, а делом жизни перед феноменом смерти.

Счастливый семьянин, писатель с мировым именем, богатый человек находился вечером в гостинице города, где он собирался вести разговоры о покупке имения. Он был в самом обыкновенном прозаическом настроении, его не мучили ни заботы, ни болезнь, ни печаль, — и вдруг вошло «оно», красно-синее, квадратное, и на Толстого повеяло ледяным дыханием смерти. Он вдруг почувствовал до глубины души, что он умрет, — конечно, теоретически он знал это всегда. Ведь все люди смертны, — Кай — человек, а потому Кай смертен. Но ведь это Кай, абстрактный человек, а не Иван Ильич, не Лев Николаевич. Об этом абстрактном человеке он всегда знал, что он смертен. Но сейчас эта приговоренность без всякой надежды на пересмотр дела показалась ему такой ужасной, что он стал прятать сам от себя веревки и перестал один ходить на охоту: из страха смерти он готов был покончить собой.

И вот этот самый последний, самый страшный экзистенциальный страх он хотел преодолеть своей идеей морального исправления человечества и царства Божия на земле, на этой нашей земле! А как же это могло бы решить проблему смерти, даже если б всеобщее моральное ис-

правление человечества и удалось? Ведь, как писал Владимир Соловьев, «и исправителю и исправленным — один конец: смерть». И тот же Владимир Соловьев дает на это ответ христианина: «Наша опора одна: действительное воскресение. Мы знаем, что борьба добра со злом ведется не в душе только и в обществе, а глубже, в мире физическом. И здесь мы уже знаем в прошедшем одну победу доброго начала жизни — в личном воскресении. Одного и ждем — будущих побед в собирательном воскресении всех. Тут и зло получает свой смысл или окончательное объяснение своего бытия в том, что оно служит все большему и большему торжеству, реализации и усилению добра: если смерть сильнее смертной жизни, то воскресение в жизнь вечную сильнее и того, и другого. Царство Божие есть царство торжествующей через воскресение жизни, — в ней же действительное, осуществляемое, окончательное добро. В этом вся сила и все дело Христа, в этом Его действительная любовь к нам и наша к Нему. А все остальное — только условие, путь, шаги. Без веры в свершившееся воскресение Одного и без чаяния будущего воскресения всех можно только на словах говорить о каком-то Царствии Божием, а на деле выходит одно царство смерти».

Вот почему без веры, настоящей, твердой веры в воскресение Иисуса Христа наша вера тщетна, так же тщетна она и без веры в наше будущее телесное воскресение.

Будем же твердо в это верить и праздновать с чистым сердцем «праздник из праздников и торжество из торжеств».

Редакция.

В. ПИРОЖКОВА.

АНТИКОММУНИЗМ И АНТИСОВЕТИЗМ

Для эмигрантов второй эмиграции эти понятия были синонимами. Мы, эмигранты второй эмиграции, не могли понять, как можно отделить антикоммунизм от антисоветизма или, наоборот, антисоветизм от антикоммунизма. Мы были убежденными антикоммунистами и одновременно убежденными противниками советского режима, советского правительства. Нам даже в голову не приходило делать между ними разницу. Может быть, именно поэтому среди второй эмиграции не могли расцвести советские провокации.

Знакомая с историей первой эмиграции, мы должны были убедиться, что в первой эмиграции это было не так. Представить себе, что можно, оставаясь антикоммунистом, пойти служить верою и правдою советскому правительству, очень трудно. Кажется, что это дикость. Эмигрант, который пошел служить советскому правительству, должен был быть, — так казалось нам, — или убежденный коммунист, или продажный человек.

Но, видимо, мы в этом отношении ошибались. В числе советских патриотов, на-

пример, были безусловно субъективно честные люди и, как это ни парадоксально звучит, антикоммунисты! Тот же князь С. С. Оболенский, который пошел служить советскому правительству, «как своему» коммунистом по своим убеждениям не был, что явствует из его письма, которое мы цитировали в своей статье «Искушение националистов и государственников» Г. З. № 11. *). Возможно, что он субъективно считал себя даже антикоммунистом. Тем не менее он пошел служить верой и правдой мировому коммунизму, вообразив, что советский режим перестал быть коммунистическим!

Здесь антикоммунизм и антисоветизм распались. Оставаясь антикоммунистом кн. Оболенский (а с ним и другие совпатриоты) стали просоветчиками, больше того, верными слугами советского правительства.

В третьей эмиграции мы также наблюдаем в некоторых ее кругах распад между антикоммунизмом и антисоветизмом. В ее среде есть коммунисты, как например Леонид Плющ, которые отвергают только советскую систему, советскую власть как искажение «истинного коммунизма». Они антисоветчики, но не антикоммунисты. Мы уже не раз писали об этом на страницах «Голоса Зарубежья» (см. например, нашу статью «Народный фронт в эмиграции из СССР», Г.З. № 4) А. Михайловский в статье «Зарок непримиримости», «Русское Возрождение» № 3) прекрасно и темпераментно отверг антисоветизм без антикоммунизма и глубоко, с точки зрения верующего христианина, обосновал наш антикоммунизм. Но в его статье есть место, которое немного настораживает, потому что звучит как отрицание не только антисоветизма без антикоммунизма, но и антисоветизма как такового. Он пишет: «На страницах зарубежной печати выдвигается предложение о замене антикоммунизма каким-то «антисоветизмом»! Между тем, советская система сама по себе, как система управления, могла бы быть, при известных предпосылках, вполне приемле-

*) Советская власть и до сего дня не забыла услуг кн. Оболенских. «Голос родины» № 50 за декабрь 1978 г. пишет в статье А. Шкаренкова. «Эмиграция в годы войны» следующее: «Более отчетливо активная позиция проявилась в поступке другого эмигранта — молодого князя Оболенского: 2 июня он явился к советскому послу во Франции А. Е. Богомолу в Виши и просил отправить его в Красную Армию, чтобы защищать Отечество».

мой: например, как переходный этап от тоталитарной коммунистической диктатуры к той или иной форме народовластия. А уж если отвергать, то отвергать следует коммунистическую советскую систему как аппарат коммунистической тирании». (стр. 90).

Нет спора, теоретически советы как органы власти сами по себе могли бы быть приемлемыми. В конце концов, это старое русское слово (был же и до революции совет министров, например) и все зависит, какое содержание в него вкладывается. Но понятия — это не абстракции. Они обрастают плотью в ходе истории, в ходе их той или иной реализации. Когда матросы в Кронштадте в 1921 г. требовали советов на основе свободных выборов (а не советов без коммунистов, как это ошибочно пишут многие авторы), то это могло быть разумным лозунгом, так как тогда для многих слово «совет» не было еще скомпромитировано, для многих оно было еще овеяно какой-то романтикой свободы. Но с тех пор прошло 58 лет. Понятие «советская система» твердо срослось с понятием именно коммунистической советской системы. В попытке их разделить заключается опасность новой иллюзии типа младороссской, иллюзии, что теперешнее советское правительство перерождается, становится все менее коммунистическим и все более истинно русским. Коммунизм, марксизм в России изжиты, — это звучит уже снова как раз на страницах журнала «Русское Возрождение» (см. нашу статью в № 11 Г.З.). И снова может возникнуть вопрос: а не признать ли теперешнее советское правительство как свое правительство? Может быть, ему можно служить или скоро можно будет служить, оставаясь антикоммунистами? Так ведь думали советские патриоты после второй мировой войны.

На страницах «Русского Возрождения» о. Димитрий Дудко уже сделал декларацию, что он — не враг своего (т. е. советского) правительства (№ 2, стр. 37). Мы не поставим это в упрек о. Дудко, особенно в том контексте, в котором это было заявлено, потому что он живет под советской диктатурой. Кто знает, может быть, ему необходимо делать такие заявления, чтобы иметь хоть минимальную возможность донести до тех слово Божие, кто хочет его слушать.

Но редакция от этого даже осторожно не отмежевалась. А ведь о. Дудко — постоянный сотрудник. Тут вообще начинается проблематика постоянных сотрудников, живущих в СССР и, тем более, членов ре-

дакции, там живущих. Главный редактор журнала кн. С. Оболенский заявил в № 1 в статье «К итогам», что редакция журнала распространена на границу и на родину. В «Новом Русском Слове» за 27 декабря 1978 г. есть репортаж о собрании редакторов и читателей «Русского Возрождения» под заголовком «Встреча с „Русским Возрождением“», подписанный Н.Н. В этом репортаже мы читаем следующее сообщение: «Матушка К. Киселева сказала, что «Русское Возрождение» нашло благодарных читателей и сотрудников в СССР (работы о. Дмитрия Дудко и о. Глеба Якунина). Но было бы хорошо привлечь к участию в журнале больше ученых и литераторов современной России, согласных с линией журнала». Вот уже не Сов. Союз, а «современная Россия». Напрасно мы старались внушить иностранцам, что то страшное, что на них надвигается, что им агрессивно угрожает — это не Россия, не настоящая Россия, это — Сов. Союз. Здесь мы читаем «современная Россия». Но не это главное. Главное это само заявление, которое звучит так, как будто в «современной России» нет коммунистического тоталитаризма, нет даже вообще никакой диктатуры. Ученые и литераторы ее спокойно могут постоянно сотрудничать в заграничном журнале, если согласны с его направлением!

Мы хотим подчеркнуть, что здесь дело идет о постоянных сотрудниках, может быть, даже членах редакции, которые определяют или будут определять линию журнала. Совсем иное — это опубликование той или иной самиздатовской рукописи, которую автор «перекинул» за границу, выпустил в неопределенность, даже не зная, какой эмигрантский или иностранный западный орган ее подхватит и опубликует. В этом случае любой журнал, любая газета может опубликовать такую рукопись, даже если она не подходит к общей линии журнала или газеты. Редакция может оговорить, что публикует для информации или чтобы дать автору возможность высказаться, может отметить, в чем она сама с автором несогласна и, наконец, сообщить, что рукопись печатается без согласия автора, что верно постольку, поскольку автор действительно вперед не знал, что его рукопись будет опубликована именно в этом органе прессы. Поэтому и автор совсем не обязательно должен быть согласен с общей линией того органа прессы, в котором появилась его статья.

Совсем другое дело, если это — постоянный сотрудник или даже член редакции

данного журнала. Он, действительно, должен быть согласен с линией этого журнала. С какой же линией он, живя в Сов. Союзе (мы остаемся при настоящем названии этого государства), может быть согласен? С линией ясного и последовательного антисоветизма? С ясной линией непримиримости не только по отношению к коммунизму, но и по отношению к современному советскому правительству? С линией, отказывающейся от всяких иллюзий перерождения советского режима? Вряд ли. А если он открыто выскажет согласие с такой линией, то долго ли он останется на свободе? Не будет ли вынужден журнал ради своих, живущих в Сов. Союзе сотрудников и членов редакции, отойти от ясной и четкой линии непримиримости с советским государством? Не должен ли он будет ввести нотки советского патриотизма? И не станет ли он тем самым на «путь великого соскальзывания»?

Мы остаемся при твердом убеждении, что антикоммунизм и антисоветизм неразделимы, что непримиримость к коммунизму теряет свою ценность без непримиримости к советскому режиму, к советскому правительству. Так же как и непримиримость к советскому режиму теряет свою ценность без непримиримости к коммунизму.

**

В связи со всеми этими проблемами мы хотели бы еще бросить взгляд на одно высказывание И. Шафаревича, сделанное им в его интервью, данном Франкфуртер Альгемейне Цейтунг и перепечатанном в переводе на русский язык в «Посеве» № 10 за 1978 г. Вот это место: «Политика разрядки не вызвала расширения диссидентского движения по той причине, что такого расширения за последнее время и не было. Но интересно, что и не произошло и его сужения. Сколько я помню, начиная с того времени, когда впервые заговорили о диссидентах, после очередного процесса каждый раз казалось, что это движение пришло к концу. Но каждый раз оно восстанавливалось в прежнем, весьма небольшом размере. По-видимому, именно в таком размере оно зачем-то нужно для жизни страны, и страна его поддерживает на этом уровне». (стр. 26).

Нам казалось, что об этом крайне интересном заявлении Шафаревича вся эмигрантская пресса должна была бы дискутировать месяцами: как понимать это заявление? Прав Шафаревич или неправ? Но на самом деле никто даже не обратил внимания на эти строки. Это, к сожалению,

указывает на то, что даже активная эмиграция отучилась видеть, что, собственно говоря, важно и что нет.

Заявление Шафаревича чрезвычайно важно. Если взять его дословно, то придется прийти к выводу, что Шафаревич данное положение, то есть ныне существующий советский режим, считает для страны вполне нормальным. Советский режим в его теперешнем виде должен оставаться, но нужна ему маленькая и бессильная, по существу лояльная, оппозиция в виде небольшой кучки «диссидентов». Вот они стране как раз нужны и страна их поддерживает в таком виде. Конечно, здесь слово «страна» персонализируется. Этому неопределенному понятию (что такое «страна» — географическое понятие? Народ? Государство в общем смысле этого слова? Или правительство?) присваивается разумная и целенаправленная воля, воля поддерживать существование определенной группы людей в определенном размере, — не больше, не меньше. Конечно, и в свободной стране может существовать какая-нибудь небольшая группа чудаков, какой-нибудь клуб, который сам ограничивает число своих членов, но «страна» тут ни при чем, это просто воля основателей клуба и его правления. Но когда дело идет о политическом движении, то на свободе оно обычно или растет, привлекая новых сторонников, или чахнет и погибает, не встретив отклика в широких слоях населения.

Но если даже политическая партия остается долгое время приблизительно на одном уровне числа ее членов и ее избирателей, как например, партия свободных демократов в Западной Германии, то это происходит свободно. Никто не арестовывает время от времени лидеров этой партии, чтобы таким образом искусственно сократить ее размеры, когда она начинает чрезмерно расти. Она просто не растет сама собой.

Картина же, нарисованная Шафаревичем, напомнила мне скорее положение альпийских оленей. Когда-то в былые времена, олени, копыта которых недостаточно тверды, чтобы добывать пищу из-под снега зимой на больших альпийских высотах, спускались зимой в долины и находили там пищу. Человек, заселив долины, лишил оленей этой возможности. Поэтому в наше время лесники зимой устраивают для оленьей кормушки, чтобы они не вымерли совсем. С другой стороны, прежде волки, рыси и барсы, поедая оленей, не давали им чересчур расплодиться. Человек истребил хищников, а потому, когда оленей становится слишком много, охотникам разре-

шается часть их застрелить. Так человек сознательно регулирует приблизительно число оленей, не давая им ни вымереть, ни слишком распространиться.

Если вместо безличного «страна» поставить «советское правительство», то окажется, что Шафаревич хотел сообщить нам о тактике советского правительства. Он ведь живет еще в Сов. Союзе, он не может сказать всего именно так, как он, возможно, хотел бы сказать. Не употребил ли он этот иносказательный оборот речи, чтобы поведать нам, что советское правительство теперь сознательно ради пропаганды держит известное число диссидентов, поскольку они им еще неопасны, пресекая всякую возможность этому движению разрастись и стать ему опасным? Это хотел сказать Шафаревич? Или мы его неправильно поняли? Эмиграции следует обсудить этот вопрос. Он важнее многих других, обсуждающихся в эмигрантской прессе.

Профессор А. Федосеев в своей книге «Западня» пишет аналогичное «Как ни странно, власть извлекает из них выгоду. Факт, что Сахаров еще действует (и настойчиво действует) вселяет надежды и внутри страны, и во внешнем мире на хотя бы слабые возможности перемен и либерализации. Конечно, на это надеются те, кто хочет превратить волка в вегетарианца, кто не понимает, что все ужасающие проявления диктатуры есть ее естественные свойства, без которых ее и не было бы. Эти надежды, в общем, соответствуют целям КГБ и власти, поскольку приводят не к усилению, а к ослаблению активности. Можно не сомневаться, что когда Сахаров станет безусловно опасным, ему очень скоро придется опасаться неожиданной болезни или несчастного случая». (А. Федосеев, «Западня», Франкфурт, 1976 г. стр. 350).

Все это, конечно, не снижает подвига отдельных людей, искренне протестующих и рискующих своей свободой или даже жизнью. Но делая общий политический анализ, мы должны спросить себя, насколько власти злоупотребляют и такими честными идеалистами.

Когда наивный западный журналист спросил Шафаревича, как должен Запад строить свою политику по отношению к Сов. Союзу, Шафаревич ответил: «Политика, я думаю, как и всякая профессиональная деятельность, требует подготовки и опыта. Какие же советы я могу давать? А если б я собрался с советами обращаться, то советовал бы скорее уж своей стороне, чем Западу». (стр. 29).

Здесь то же явление, что и в словах

о. Дудко. «Своя сторона» — это свое советское правительство, потому что кому же можно сейчас давать советы в отношении внешней политике, как не правительству? Когда мы еще жили в Сов. Союзе, нам и в голову не приходило называть советское правительство «своим» или предполагать, что мы можем давать ему политические советы. Мы говорили «мы» и «они».

«Они», т. е. советское правительство, для нас «своим» не было.

Но и Шафаревич находится еще в Сов. Союзе и, возможно, он должен так говорить, чтобы вообще что-нибудь сказать. Мы не беремся судить никого, кто живет под тоталитарной диктатурой.

Но для эмиграции сползание с позиций непримиримости к советскому режиму, с позиций антисоветизма было бы роковым.

В. КОБЫЛИН.

НЕДОПУСТИМОЕ ПРИЯТИЕ ПСИХОЛОГИИ «ТРЕСТА»

За почти шестидесятилетие существования российской политической эмиграции можно без особого труда заметить, как некоторые круги этой эмиграции охотно идут навстречу внедряемой советским коммунизмом версии об эволюции советского режима и жизненных условий в Советском Союзе и якобы коренных изменениях самого строя, долженствующих наступить в не продолжительное время.

Еще в двадцатых годах дело «Треста» прогремело во всем политическом Зарубежье.

Эта провокация ГПУ заключалась в том, что засланный из Сов. Союза в центры эмиграции, в прошлом крупный чиновник одного из министерств Федоров (он выступал и под фамилией Якушева, и вероятнее всего та и другая фамилия были вымышлены), очень скоро заслужил доверие определенных кругов и лиц в эмиграции, которые вели конспиративную работу против большевиков и уверил их в том, что в самой Советской России уже работает крупная антисоветская организация «Трест», которая успешно ведет свою работу, в рядах которой состоят даже крупные советские деятели. И поэтому здесь, в эмиграции, не нужно вести «параллельно» работы против Советской власти, этим можно только помешать успеху «Треста», который работает во всех больших центрах СССР.

Это печальное событие, которое показало, насколько легковверны и неопытны были эмигрантские «конспираторы», показало также, как психологически продумано, толково и методически работали советские «органы». «Трест» сорвал целый ряд начинаний и дал обширнейшую информацию об эмиграции Советскому Союзу.

Казалось бы урок, данный эмиграции скандалом «Треста», заставил быть более осторожными политические круги послед-

ней. К сожалению, этого не произошло. Так, например, евразийское движение не избежало советской провокации. Так называемые «поздние» евразийцы явно прониклись национально-большевистским духом и некоторые из них «сменили вехи» и оказались в Сов. Союзе. Почти все они были сосланы и кончили свою жизнь в концлагерях. А в свое время многие из них договаривались до «необходимости понять большевиков».

Но вот в № 11 «Голоса Зарубежья» появилась статья В. А. Пирожковой «Искушение националистов и государственников». В этой статье Вера Александровна подробно описывает явление, которое называлось вначале «Молодой Россией», затем «Союзом Младороссов», а затем «Младоросской партией», причем председатель последней А. Казем-Бек, при изменении названия этой политической организации, заявил: «Союз Младороссов после долгих и напряженных усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппозиции в отношении партии правящей». Это было в 1934 г., а в 1937 г. Н. Шебеко (последний посол Императорской России в Вене) в одном из парижских кафе увидел Казем Бека за столиком с Игнатъевым, который был тогда советским военным атташе во Франции. Шебеко вызвал по телефону представителей некоторых общественных организаций и оба были пойманы, так сказать, с поличным. Но и это событие не всех убедило в нечестной игре Казем-Бека. В своей статье В. А. Пирожкова останавливается на всех «высказываниях» господ младороссов, очень ловко старавшихся внушить нашему политическому Зарубежью, что советская власть «перерождается» во власть национальную. Один абзац в «Младоросской Искре» в особенности «великолепен».

«Поскольку изживание коммунизма идет быстрыми шагами и нарождаются преемники коммунистической партии — национальная революция уже начинает совершаться». Запомним хорошо это высказывание, чтобы в дальнейшем подойти, так сказать, вплотную к высказываниям 1978 г. А ведь это писалось, когда был создан искусственно голод на Украине, когда сотни тысяч «раскулаченных» русских, украинских и других крестьян гибли по дороге в северные концлагери и в этих страшных местах, когда в чекистских застенках гибли все заподозренные «изживающие коммунизм» властью в чем-либо несоответствующем их сатанинской сущности.

Только после войны, когда «вождь» Казем Бек был вынужден в спешном порядке ретироваться из Америки и уже открыто перебраться в Советский Союз, легковверные наши россияне поняли, с какой грандиозной и подлой провокацией они имели дело.

Казем Бек приезжал в Париж и встречался с бывшими младороссами («Нов. Русское Слово» — 21 февр. 1975 г.). Правда, как все это умилительно и замечательно?!

А вот, что происходило во Франции, когда в Париж вошли союзные войска в сентябре 1944 г. Париж буйно ликовал по случаю ухода немецких оккупантов, а советские агенты охотились за неугодными им русскими эмигрантами и «советские патриоты» увозили их в свой «штаб» в центре города на улице Галлиера. Там же были перебежавшие в большевистский стан некоторые писатели, журналисты, поэты. Много русских эмигрантов, поддавшись грандиозной советской провокации, взяли советские паспорта и поехали в СССР. Их число определяется приблизительно в 6.000. Из уехавших многие были хорошо устроены, владели недвижимым имуществом. Все они чрезвычайно скоро оказались в концлагерях на крайнем севере.

Нужно быть или очень неумным человеком, или совершенно беспринципным, и поэтому тоже неумным, чтобы считать Советский Союз с его коммунистическим правительством, чекистскими застенками и всем ужасным бытом, в котором царит полное бесправие и узаконенное рабство, своей родиной, или хотя бы страной, куда можно поехать на постоянное жительство.

Но вот были во Франции и такие, которые взяли советский паспорт, но в СССР не поехали, а работали годами в советских учреждениях, как например, Информбюро, заявляя позже, что честно хотели служить советской власти, как «правительству сво-

ей страны». Разве так трудно понять, что советская власть как правительство России — это ложь. Советская власть — это оккупация интернационалом России. Советская власть — это коммунистическая партия, которая совершенно не заботится о людях, населяющих Советский Союз.

Почему же это все не было понятно «взявшим» совпассапорта? — А ведь среди них были люди, выросшие в семьях с традициями, с известными представлениями о чести, долге, благородстве. В чем же дело?

Среди тех, которые взяли советские паспорта после войны, был и князь С. Оболенский, редактор впоследствии «Возрождения», а теперь «Русского Возрождения».

В 1949 году в № 6 «Народной Правды» было помещено его письмо в редакцию. Привожу выдержки из этого письма. «Обращаюсь к Вам с просьбой опубликовать на страницах «Народной Правды» откровенное высказывание русского человека, эмигранта, в течение трех с лишним лет преследовавшего иллюзию служить России под покровом советской власти, сотрудничавшего ближайшим образом в парижских «Русских Новостях» и служившего постоянным переводчиком в Совинформбюро». Далее Оболенский пишет, как и почему некоторые эмигранты, в том числе и он, стали «советскими патриотами». Тут и Сталинградская битва, которая трактуется, как «Стояние за землю русскую», тут и стихи К. Симонова, тут и «победоносные русские войска, прошедшие под Бранденбургскими воротами», тут и «великое русское слово» Анны Ахматовой и т. д.

Рассмотрим письмо Оболенского подробно. Прежде всего, неужели нужно было работать с большевиками три с половиной года, чтобы увидеть, что они из себя представляют? — Да это было видно с первого же дня, конечно. Почему Сталинградская битва это «стояние за землю русскую»?

Ведь теперь всем понятно, что если бы Гитлер не был окончательным кретином, не был бы человеком лишенным всех нравственных начал, то конечно, война с Советским Союзом перешла бы в войну с режимом в союзе с русским народом.

Кругом Сталинграда стояли заградительные отряды НКВД, которые расстреливали всех отступавших назад. Сталин бросил все свои резервы к городу, носящему его имя. Для него это было вопросом жизни или смерти не русского народа, а компартии и его самого. Помогли тупость и ненависть Гитлера к своим же генералам, которые настаивали на отходе от Сталин-

града. Дальше. Почему так хотелось Оболенскому служить советской власти как правительству своей страны? — Коммунизм начисто лишен каких-либо этических, моральных, нравственных начал. Ведь еще Ленин сказал: «Мне, милостивые государи, на Россию наплевать!» — Ведь большевизм уничтожил наши национальные святыни: часовню Иверской Божией Матери, храм Христа Спасителя, уничтожил десятки тысяч храмов. Большевизм организовал величайшее преступление нашего времени — екатеринбургскую бойню, когда был убит Император Николай II со своей семьей. Большевизм повинен в убийстве наших иерархов, десятков тысяч служителей Церкви, миллионов замученных в застенках, концлагерях и тюрьмах. Большевизм виновен в разорении крестьянина, кормильца не только России, но и всей Европы. Вот теперь покупают хлеб в миллионах тонн за границей, сваливая все на неурожай.

Почему же это все не было понятно и Оболенскому, и другим «взявшим» совпорта?

Но вот и митрополит Евлогий в своих воспоминаниях, которые писал Манухин, любовался портретами советских маршалов и говорил.... «Смотрите, подлинные орлы... Вот этот на Кутузова похож, а вот Багратион, вот этот Барклай... Какие молодцы! Какие лица! Благообразные, волевые, умные»...

Неправда ли, какой провидец этот митрополит Евлогий? — Неправда ли, как похож был, скажем, маршал Конев, с его лицом типичного каторжника, на Кутузова!? — Или маршал Малиновский с лицом штабного писаря на Багратиона?! — И дальше митрополит Евлогий пишет: «Россия сейчас возрождается, все, что мы утратили во время революции возвращается. Политика ведется национальная, отвечающая интересам России». — Какая мудрость в этих суждениях!

Но это было больше тридцати лет тому назад. Казалось бы эти прошедшие тридцать лет должны были бы научить наших россиян более осторожно обращаться с оценкой положения в Сов. Союзе и не делать непродуманных заявлений.

Ничуть не бывало. Обратимся к сравнительно совсем недавним высказываниям в периодической печати и в некоторых сборниках статей. В. А. Пирожкова уже писала об этом, но я это повторю — уж очень это напоминает высказывания младороссов от 1931 г., когда они в своих газетах и жур-

налах утверждали, что «коммунизм изживается».

В № 1 «Русского Возрождения» в статье «К первым итогам» князь Оболенский пишет: «Ценой неопикуемых страданий наш народ не только ИЗЖИЛ лжеучение марксизма-ленинизма, от которого в России остались почти уже только инерцией держащиеся внешние формы»...

Скажите, пожалуйста, как это надо понимать? — Неужели Советский Союз со своей коммунистической партией, со своим КГБ, которое повсюду в стране подавляет любые проявления какого-либо неугодного власти настроения, с огромной сетью своих агентов и осведомителей во всем мире, является только по инерции держащейся внешней формой? — Кому нужны, кому выгодны подобные заявления? — Не похожи ли они на высказывания 30-ых и 40-ых годов? Не является ли это искажением того, что существует в действительности, а не в воображении некоторых неисправимых фантазеров?

В «Свободном Слове Карпатской Руси» в № 7-8, в «Послесловии» стр. 7, 8, подписанном Вл. Ниловым, мы читаем: «...Сталин прикончил русскую революцию, но сохранил ее фразеологию. Отсюда ее половичатый, ни то, ни се, характер; бюрократы заменили мерзавцев». «Про нынешних геронкратов (правление старцев) не скажешь, что они идеалисты, фанатики или негодяи. Это привыкшие к власти старички, которые больше всего на свете боятся перемен». И дальше «Коммунизм изживается в России». Прочтя все эти высказывания диву даешься, как это еще существует советский строй с диктатурой коммунистической партии и со своими «органами»? *)

Передо мной лежит американская газета со статьей заключенного ИКС из концлагеря «Сосновка» в Молдавской Автономной Республике. Статья эта является письмом этого заключенного Андрею Сахарову, который передал ее западным корреспондентам в Москве. В своем письме заключенный описывает все кошмарные условия

*) Тот же Вл. Нилов, который на страницах «Свободного Слова Карпатской Руси» постоянно толкует о якобы дряхлости и слабости советского режима, пишет в № 9-10 этого журнала: «Россия сейчас как редиска — внутри национально-белая, и только снаружи обтянута тоненькой во многих местах стершейся, красной кожей». (стр. 20). Вот как хорошо перерождение режима не за горами! (Прим. ред.).

жизни концлагерников, издевательства администрации, необыкновенную смертность среди заключенных и непосильную, изнурительную работу. «Коммунизм изживается», утверждают безответственные люди в своих статьях. А все, что происходит сейчас на всех континентах, захват власти коммунистами и в Абиссинии, и в Афганистане, и в Анголе, и в Иемене, власть коммунизма на необъятных просторах Азии, кубинские войска, под командой советских генералов в ряде африканских стран?

А «наращивание» военного потенциала Сов. Союза в восточной Европе? Ведь Европа может быть захвачена силами Варшав-

ского военного пакта в кратчайший срок!

А уверены ли авторы всех этих высказываний в том, что, может быть, завтра не произойдет еще что-либо, что покажет им каковы эти «по инерции держащиеся формы» и каковы эти «старички, боящиеся перемен»?

Этакое благодушие — и «старички» и «нет уже ни мерзавцев, ни негодяев»!

«Трест» бессмертен и, как все это печально и безнадежно неумно!

Но вопрос, поставленный раньше, остается.

Кому это нужно?

ИОСИФ МАЦКЕВИЧ.

НА ПУТИ ВЕЛИКОГО СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ*)

(Окончание. Начало см. в № 11).

«ОППОЗИЦИЯ» ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ...

Похоже, хотя и не обязательно тождественно с защитой «прав человека», обстоит дело с так называемой «оппозицией» — легальной, полулегальной и манипулированной — в странах коммунистического блока. Она не враждебна коммунизму или советскому строю как таковому, скорее даже признает их, т. к. не стремится к их свержению, а только к исправлению и усовершенствованию. Она считает коммунизм явлением, которое стоит скорее исправить, чем выбросить на свалку.

Как по мановению волшебной палочки, «оппозиция» почти во всех странах советского блока возникла по образу и подобию тех форм, какие мы наблюдаем в советском «диссидентстве». Так произошло в Чехословакии, в Восточной Германии, в Венгрии и т. д. В Польской Народной Республике (ПНР) это явление называется «Движением прав человека и гражданина». Сюда причисляются еще некоторые декларативные организации помельче, которых перечислять не будем за исключением так называемого «Комитета защиты рабочих», вокруг которого поднялся большой шум.

Фамилии тоже громки. Представительскую роль «польского Сахарова» принял на себя партийный коммунист, проф. Эд-

вард Липинский, член Польской Академии Наук. В Народной Польше он сделал большую карьеру как экономист. До и во время войны он был членом PPS (Польской социалистической партии). В 1948 году он вместе с группой отклонившихся перешел к коммунистической PZPR (объединенной польской коммунистической партии). Награжден орденом Знамени труда 1 степени. В 1973 году он получил награду от коммунистического «Экономического общества» за работу «Маркс и вопросы современности». Несколько месяцев тому назад его как будто вычеркнули из списка членов PZPR, как сообщает эмигрантская пресса тоном соболезнующим по поводу несправедливости, причиненной «нестору польской экономики». Добавлю, что проф. Липинский один из тех, которые все еще считают себя коммунистами, а предостерегал он только лишь от неправильной политики партии, которая могла бы довести до трагедии, т. е. до попыток насильственного переворота в стране.

К этому «Движению» принадлежит кроме него еще много деятелей и писателей Польской Народной Республики, таких как Куронь, Модзелевский, Ежи Анджеевский, Конвицкий, Казимир Брандыс, Киевский, Яцек Бохенский и много других известных по перу, по их делам и заслугам, награжденных орденами в коммунистической Польше. Однако на первый план выдвинулся Адам Михник, в прошлом махровый коммунист. Вместе с Куроном он сформировал некогда «Красных скаутов» («...коммунист — это человек, который борется за

*) «Ведомости» ноябрь 1977 г., Лондон, перевод с польского Валентина Яра. Начало см. «Голос Зарубежья» №11. (Примечание ред.).

социальную справедливость»). Теперь он фактический руководитель «легальной оппозиции», как он сам подчеркивает. На Западе знамя «Движения» взял в свои руки Лешек Колаковский, проповедовавший в Польше атеизм (редактор органа «Общества атеистов и вольнодумцев» «Аргументы»), профессор Варшавского университета. В 1968 году Колаковский выступил также с критикой ошибок партии. И в результате, как сообщает тот же эмигрантский источник: «...и его, самого, выдающегося марксистского автора в стране, наказали за это исключением из партии!». К «Движению» присоединились тоже марксист Владимир Брус и много симпатизирующих.

Словом эта оппозиция состоит из выдающихся бывших коммунистов, марксистов, неомарксистов, левых разных оттенков, радикалов, идейных социалистов, из людей, недвусмысленно принадлежащих к так называемой «марксистской формации». Все же их иногда ошибочно упрекают в том, что они мол стремятся к какому-то взрыву или вообще к перевороту путем насилия. Но, как мы увидим дальше, все обстоит совсем наоборот. На каждом шагу они подчеркивают свою легальность и лояльность. (Чтобы не спутать разных понятий, следует привести разграничительное объяснение. Есть много бывших коммунистов, которые, возненавидя ложь самой системы, перешли в лагерь антикоммунистов, но они на Западе не принимаются во внимание. И напротив, есть много бывших коммунистов, перешедших в лагерь «диссидентов», которые желают поправок лишь к некоторым методам режима. Они-то и делают карьеру).

Как уже было упомянуто выше, внешние формы «оппозиции» в Польской Народной Республике почти полностью покрываются с выступлениями «диссидентов» советских и других стран блока. Прежде всего подчеркивается принципиальная позиция: никакого переворота путем насилия. Адам Михник устранил на собрании польской эмиграции в Стокгольме 5 марта 1977 года всякие сомнения на этот счет: «В Польше нет революционной ситуации. Революционная ситуация была бы для Польши катастрофой... Оппозиция действует явным и легальным образом. Единственная связующая цель — я это подчеркиваю — есть защита прав человека». Точно то же самое подчеркивают все члены «Движения», программы их немного варьируются. Так например, спикер так называемых «католических кругов», вояжирующий часто по Европе и Америке Стефан Киселевский,

горячо рекомендует модель «финляндизации» Польши внутри советского блока как идеальное разрешение вопроса. В этом его поддерживает коммунист Куронь в своей программе «Третья Польша». Он пишет: «Как народ, мы можем сознательно отказаться от части своей суверенности в пользу государственной власти или же в согласии с этой властью непосредственно в пользу соседней державы. Целью в этом отношении был бы статус Финляндии... ограниченной в иностранной и внутренней политике постольку, поскольку это касается... интересов Советского Союза».

Сопутствующие подробности нам известны уже по другим «диссидентским» движениям: легальные заграничные поездки, политические конференции, визиты у лидеров западных коммунистических партий, интервью, даже по телефону из стран коммунистического блока (а la Сахаров), созовы конференций заграничных корреспондентов, аккредитированных в ПНР. Выпуск самиздата у себя на родине и соответствующих изданий за границей и т. д. и т. п.

ПОКАЗНОЙ ПАРАДОКС С ГДР

Уже в течение многих лет миллионы обыкновенных людей хотят выбраться из ГДР в Западную Германию на свободу. По ним стреляют. В 1961 году построили Берлинскую стену, протянули заграждения из колючей проволоки и заложили мины вдоль пограничной полосы, на которых гибнут люди и лесные звери. Заложены капканы и автоматические самострелы, убивающие людей, которые пытаются перейти границу...

Но вдруг, в 1976 году, из ГДР «выселили» песенника Бирмана в Западную Германию. Тут его на руках носили как жертву коммунистического режима. Он выступал по телевидению, поднимая кулак на коммунистический манер, признал себя коммунистом и заявил: «Я считаю ГДР, несмотря на все превратности и все затруднения в моей личной судьбе, лучшим из двух немецких государств». Его популярность росла. Пластинок с его песенками разошлось на Западе несколько сот тысяч. А вместе с тем общественное мнение возмущалось несправедливостью по отношению к Бирману, которого лишили «гражданства ГДР». Волна протестов против преследования интеллектуала, преследования человека прокатилась до Западной Европы. Бирман купил себе в Западной Германии виллу.

Тут можно провести некоторую аналогию к случаю с Солженицыным. Десятками

лет на Западе высмеивался советский уголовный кодекс, который высшим наказанием после смертной казни предусматривает выселение за пределы Советского Союза. «Наказание», которое, как говорили, хотела бы заслужить по крайней мере половина населения Советского Союза... И вот из пределов Советского Союза выдворяют Солженицына в первом классе Аэрофлота. Следом за ним посылают ему в Швейцарию его семью, мебель, автомобиль, книги и архив. А интеллектуалы всех западных стран с возмущением клеймят несправедливость, которую ему пришлось испытать...

Но вернемся к Бирману. Протесты против его «выдворения» поднялись и в самой ГДР среди тамошних «диссидентов». Многие из них за это арестовали. И вдруг... С подлужины таких «диссидентов» поизвестнее выпускаются из тюрьмы и целыми и невредимыми перебрасываются через Берлинскую стену на Запад. Перебрасываются через ту же стену, на которой погибли и еще погибают сотни обыкновенных людей, которые ни против чего не протестуют, но хотят одного: только бы выбраться! А по ним стреляют. И нет никого, кто бы протер глаза и спросил: какие же причины того, что этого парадокса никто не замечает?

ЕВРОКОММУНИЗМ

Характерная черта (кроме отрицания борьбы силой), объединяющая все «диссидентские» движения сегодня — это старание сблизиться с «еврокоммунизмом».

Иногда оно принимает форму: «коммунисты всех стран объединяйтесь» против русского шовинизма, который якобы водворился в «русской партии» со времени «плохого» Сталина после смерти «хорошего» Ленина. Такие тезисы высказывают русские диссиденты: Лев Копелев, марксист, пребывающий в Москве, Амальрик, Плющ, Белоцерковский и другие на Западе. Этот лозунг доходит и до «маоистов», и до «титоистов» и до «дубчекистов», а также хватает за сердце всех искренних антирусских националистов. Независимо, однако, от субъективных побуждений, объективно он служит целям мирового коммунизма, в данном случае как будто единственной идейной силой, способной задержать расширение гегемонии Москвы. Правильно замечает известная русская публицистка В. Пирожкова: «...Если больному будет дан яд даже человеком, не намеревавшимся его убить и думавшим, что он дает лекарство, то больной все же умрет. И задача человека, заметившего, что протягивается яд,

остановить руку с ядом. А уже потом будет время разобраться, какие намерения были у того, кто этот яд протягивал...»

Только «хорошие» коммунисты могут исправить мир! Новосозданный лидер «польской оппозиции», Адам Михник, в своей недавно изданной книге: «Церковь, левые, диалог», высказывает, между прочим, такие взгляды: «...западные оппозиционные левые могут вскоре оказаться ценными союзниками в деле освобождения народов Восточной Европы... Этого не сделают никакие силы „эстаблишмента“, не сделают этого и просоветские коммунистические партии. Это могут ... сделать партии, провозглашающие так называемый еврокоммунизм... т. е. признание всех демократических прав не только в Западной Европе, но также и в Европе Восточной и в СССР».

От имени светских левых Михник приглашает также католическую церковь принять участие в этом общем деле. Эта протянутая рука никого не может поразить. Все мы знаем, как далеко зашел Ватикан в области «ослабления напряжения» в отношении коммунизма со времени понтификата Иоанна XXIII, а в особенности Павлу VI. А в интервью, данном в Стокгольме, Михник уточняет: «...за последние 10 лет Церковь стала более антитоталитарной, чем антикоммунистической...» В вышеупомянутой книге он выступает с похвалой примаса Вышинского за то, что он предостерегает перед опасностью капитализма и цитирует его слова: «Боюсь — сказал примас — как бы не возродился у нас дух капитализма, потому что тогда человека столкнули бы на положение робота и его стали бы оценивать только со стороны его производственных способностей». — Затем Михник пишет: «...Епископат почти полностью согласен с левой программой демократических перемен».

В своей положительной оценке изменений, которые произошли в лоне Церкви, Михник, пожалуй, разделяет оценку, данную журналом «Вопросы научного атеизма» (Москва 1976), в статьях членов «Научного института атеизма», Нюнка, Великовича и Григулевича, в которых авторы высказываются с такой же похвалой о «моральном осуждении капитализма некоторыми католическими сферами после второго Ватиканского собора».

Когда в 1935 году Коминтерн по инициативе Димитрова постановил организовать «Народный фронт», все знали, кто был его действительным вдохновителем. Сегодня же мировые державы заинтересованы в том, чтобы не допустить анализа род-

ственных явлений, потому что каждый из них надеется переохрипить другого, но забывается о том, что эти феномены выросли из той же идеи, что и народный фронт. «Общий рабочий фронт» под покровительством коммунистической партии предложил на апрельской конференции в Лейпциге в 1955 году, еще до резкого поворота политики Ватикана, сотрудничество с христианскими профсоюзами.

Известный польский писатель Ежи Лец писал в 1966 году «финлянцу» Стефану Киселевскому: «В один прекрасный день партия примет в свои ряды также Иисуса Христа. Почему бы нет? Он происходил из рабочей семьи, боролся за мир и социальную справедливость, не подрывал авторитета светской власти и призывал к признанию существующего порядка». Еще большую последовательность проявляет теперь Михник, когда заявляет, что: «Церковь перестала быть антикоммунистической». Втянуть Церковь в «прогрессивное» сообщество — это давнишняя тактическая мечта. Достаточно прочитать хотя бы работы на эту тему проф. И. Бохенского, наиболее знатока этого вопроса.

В марте 1977 года Лешек Колаковский и Адам Михник в компании с немецким прокоммунистом Г. Бёллем устроили собрание в Кёльне. Еще раз было произнесено торжественное заверение: «Ни одна оппозиционная группировка в ПНР не предусматривает свержения тепершней власти». Статья Романовского в «Жице Варшавы», в которой польские оппозиционеры обвиняются в том, что они ведут антикоммунистический крестовый поход, была заклеена как ложь и названа клеветой.

И вскоре Колаковский и Михник опять вояжируют. Итальянские коммунисты устраивают им сердечный прием наравне с советским диссидентом, коммунистом Плющем. В защиту польской «опозиции» выступает Л. Лама, генеральный секретарь CGIL, наиболее крупного прокоммунистического центра итальянских профсоюзов, и член ЦК коммунистической партии. Он посылает телеграмму председателю Государственного совета ПНР. Куронь из Варшавы апеллирует в письме к лидеру Коммунистической партии Берлингуэру, который ему дружески отвечает. В это время мы читаем в итальянской коммунистической «Паэзе Сэра»: «...профессор Колаковский и Адам Михник подчекнули, что защитники прав человека из всех стран Восточной Европы выступают в первый раз солидарно, а коммунистические партии Запада под-

держивают, благодаря еврокоммунизму, борьбу за уважение человеческих прав в странах народных демократий». Затем Колаковский и Михник поехали в Париж, где тамошние коммунисты создали для них большую пресс-конференцию с участием ста французских журналистов. Во время встречи установили телефонную связь с Яцеком Куронем в Варшаве, который отвечал на вопросы представителей печати. Западные интеллектуалы, во главе которых находится упомянутый уже Г. Бёлль, Гюнтер Грасс, прокоммунист Клод Руа, марксист Штефен Шпендер, Жан-Поль Сартр и много других этого типа деятелей составили призыв, поддерживающий постулаты «опозиций» в ПНР. С этим призывом солидаризировались также французский коммунистический профсоюз почтовых работников, союз металлистов в Италии и «прогрессивные» христианские профсоюзы во Франции. Это только несколько отдельных показательных примеров. Вся эта коммунистически-социалистическая атмосфера питает польских и других не антикоммунистических «диссидентов». А эмигрантская пресса встретила это явление с искренним энтузиазмом. Но все это известно. Не буду повторяться.

В этом всеобщем соскальзывании на позиции: коммунизм против советизма возникло положение, которое некоторым может казаться ясным, другим менее ясным. Конечно, и коммунисты, и их диссиденты — люди, и действуют они из побуждений тоже человеческих, пусть даже «возвышенных». Не чужды им внутренние свары, зависть, конкуренция в достижении лидерства, внутренняя и фракционная борьба. На эту тему, на тему мнимого разрыва между московским центром и еврокоммунистами имеется уже огромная литература. Повторять ее невозможно. Поражает единственно то, что в ней столько места посвящается идейно-политическим декларациям разных вождей еврокоммунизма. Чего же они стоят? Чего стоят слова и декларации лидеров коммунизма после 60 лет власти коммунистических режимов в мире? Стоит ли задумываться над официальными программами Карильо, Берлингуэра, Маршэ? Почему они должны иметь большую ценность, чем имели в свое время устные и письменные декларации Ленина, идеализирующие коммунизм? Они звучали не менее красиво и убедительно. Почему нынешние декларации стоят больше, чем Сталинская конституция гарантирующая людям якобы свободу и счастье? Когда после 60-лет «человеческого лица» в практике коммунизма все еще связывают конкретные ценности

со словами его вождей, это свидетельствует о каком-то удивительном умопомрачении, о том, что 60 лет практики попросту выбрасываются за борт вместе со всем опытом фиктивных компромиссов, заключенных при образовании после 1945 г. «народных», «национальных» и других социалистических республик. В Польше ли во Вьетнаме, в Венгрии или на Кубе, в Чехословакии или в Африке — нигде обещания коммунистов не имеют никакой цены. Выводить аналитически из деклараций еврокоммунистов какие-нибудь моральные или политические полномочия для будущего — беспредметно уже в своей основе.

Как известно, изобретателем «собственного пути к социализму» — т. е. овладения миром коммунистическими партиями, из которых каждая идет своим «национальным» путем, лишь бы он был успешен! — был не Тито, не Мао, не Гомулка и не Дубчек, а Ленин! Еврокоммунизм повторяет сегодня лишь ленинские зады.

Лидер польских социалистов в эмиграции, Адам, Цёлкош, прав, когда пишет: «В этом вопросе нет никакой разницы между тем, что говорил Сантьяго Карильо 29 июня 1976 года и тем, что писал Ленин 27 апреля 1920 года, и что говорил Сталин 7 августа 1946 года». Прав Чеслав Милош, говоря, что: «...коммунизм определяет специфику XX века». Еврокоммунисты хотят сегодня лишь сделать его более привлекательным, приспособляя его к «объективным условиям», «омолодить» его на свой манер. Поэтому борьба за права человека в новом издании так подходит ему. Люди доброй воли тоже этого хотят. Значит надо, как на торгах, предложить больше. Как они перекричали других лозунгом «мир», а одновременно отвечь людей от «бесплодных» и «дешевых» антикоммунистических лозунгов. Даже ценой частичного самообвинения в ошибках и искажениях, даже ценой отказа от «диктатуры пролетариата»! А потом, потом увидим... Когда будет уже слишком поздно.

Александр Ват бывший польский коммунист, в своей книге «Мой век» дает такое определение коммунизма. «Чем меня коммунизм прежде всего отталкивает — это его общей чертой скверны... какого-то оподления характеров, городов, предметов, всеобщей коррупцией слов». Правильно. Но я бы еще по личному опыту добавил: безграничной скукой. Такая жизнь не стоит жизни. При чем свой, «собственный» коммунизм, по той же причине, что своя рубашка к телу ближе, мне кажется хуже чужих. Скажу совершенно откровенно:

Адам Михник со товарищи для меня люди с другой стороны баррикады. Я противник всякого коммунизма. Они же его поддерживают в таком виде, как «антирусский», «европейский», облеченный в тогу «прав человека и гражданина». (Некогда уже существовала такая «Лига прав человека и гражданина», ведшая свое начало от организации, основанной в 1898 году после дела Дрейфуса во Франции. В независимой Польше ее в 30-х годах закрыли как крипто-коммунистическую, а ее члены были арестованы). Нельзя бороться с коммунизмом и в то же время его поддерживать. Нельзя поддерживать ни испанского товарища Карильо, ни итальянского товарища Берлингуэра. Мы — жители той же Европы на той же планете. Коммунистическая угроза неразделима.

ПОЧЕМУ ЛЕНИН НЕ НАВИДЕЛ «ОППОЗИЦИЮ»?

Легальная оппозиция, каждая легальная политическая оппозиция в каждой стране не стремится и никогда не стремилась к разрушению организационных основ данного государства, но — как было уже упомянуто — она стремится к их улучшению, усовершенствованию, исправлению. Она всегда объявляла, что она «конструктивна», даже тогда, когда таковой не была. В Великобритании ее полусутоливо прозвали «оппозиция Его Королевского Величества». Ленин, горевший желанием не исправления, а уничтожения «буржуазного» строя во всем мире, решил начать с уничтожения его в России. Он отлично понимал конструктивно-исправительную роль оппозиции с одной стороны, а с другой — ее роль как бы громоотвода, который путем реформ и улучшений отводил в землю молнии разваливающейся государственной строй революции. Поэтому он искренне ненавидел каждую «легальную оппозицию». Еще задолго до первой мировой войны с ее потрясениями, еще до революции 1905 года, т. е. во времена, когда застой казался неизбежным, он писал в 1902 году (в «Искре»): «Политиканство практикуется как правительством, так и мирной оппозицией... Со стороны правительства это подкуп, деморализующее действие, система, прозванная «зубатовщиной»... Надо положить конец рабским полумерам легальной оппозиции.. П. Струве принципиально предпочитает мирные реформы... Трудно представить себе что-нибудь более фальшивое и бесплодное, чем этот ход мыслей». А еще раньше, в 1901 году он писал (в «Искре»): «В последнее время много говорилось о

том, что уличные бои против современной армии невозможны и безнадежны... Уличные бои возможны, а безнадежно не положение бойцов, но положение правительства, если ему придется иметь дело с рабочими не только лишь одного промышленного предприятия....»

Это было во времена наибольшей устойчивости режима. А потом, до первой мировой войны и во время нее, Ленин был пораженцем, люто борющимся против оборончества. Он стоял за поражение прежде всего России, лишь бы достичь свержения господствовавшего в ней строя. И он своей цели достиг (увы!). Говорят: что ж, так сложились обстоятельства... Без сомнения. Обстоятельства меняются, притом постоянно. Мы все живем в «обстоятельствах». Но без внутренней воли свалить существующее не удастся использовать никакое внешнее обстоятельство. Польша тоже была восстановлена после 1918 г. благодаря внешним обстоятельствам. Но во всех политических движениях того периода преобладала воля к использованию для этого каждой возможности, а не торжественные декларации отказа наперед от цели свободы.

Конечно, легальная оппозиция может своими реформами и ослаблением напряжения служить для разрядки чем-то вроде громоотвода, отводящего взрывные силы в стране. Такую роль сыграло, например, «По просту» во время «польского октября» в 1956 г. Бывает и так, что легальная оппозиция, вызывая постоянное недовольство, подтачивает режим. Много, например, говорилось о влиянии легальной оппозиции в России на ускорение большевистской революции. Но Ленин на легальную оппозицию не обращал внимания. Но легальная оппозиция может расшатывать режим только при одном условии: если одновременно в подполье существуют и действуют революционные силы, которым легальная оппозиция, может быть, может (или не может) облегчить путь к захвату власти. Если же нет воли к свержению режима и революционных факторов, а вместо них имеется только желание ограничиться улучшением быта и правами гражданина, то уже незначительные компромиссы со стороны властей ведут не к свержению режима, а к его укреплению. С теперешним конъюнктурным лозунгом «права человека» дело обстоит так же, как и с лозунгом об опасности «русского империализма». Этот лозунг сильно преуменьшает угрозу, нависшую над всем миром. Отвлекается внимание от настоящих целей

коммунизма. Амбиции и планы международной акции сводятся на плоскость локализованного империализма одного народа. Лозунг этот отвлекает от идеи антикоммунизма, что, конечно, на руку Москве и иным центрам коммунизма.

ПРАВИЛЬНОСТЬ ПРОТИВОЛОЖНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК

Не надо бороться, если нет желания, если борьбу считать чем-то глупым, самоубийственным, невозможным и т. д. Но тогда нельзя дерзко утверждать обратное тому, что есть в действительности.

Например, исходя из предпосылки с чисто польской точки зрения двустороннего отношения «Польша — Россия», нельзя отказывать в некоторой справедливости во взглядах тех поляков, которые считают, что в этом противопоставлении один на один нет шансов на победу. Что требование сохранить «биологическое состояние» нации и продержаться во что бы то ни стало, т. е. ценой компромисса с коммунизмом — это самое важное. Но с другой стороны, предположим, что мы имеем дело с не национальным противником, а с наднациональной мировой заразой, то трудно тогда отказать в справедливости тому мнению, что в случае, если все страны и народы мира, как уже сегодня поработанные, так и те, которые будут поработаны завтра, станут на точку зрения подобного компромисса, то это необыкновенно укрепит международный коммунизм и облегчит ему овладение остальной частью всего земного шара.

Не считая себя призванным давать рецепты, ограничиваюсь этим теоретическим размышлением.

«Свободные представительства народов Литвы, Латвии и Эстонии в Америке — слышу я по радио — выступили с требованием...» — Непроизвольно жду дальнейших слов: «возвращения полной независимости и суверенности их странам...?» Да куда там! Только: «возвращения прав человека и гражданина в их странах» (управляемых коммунизмом). Снова классический пример приспособления к ходким лозунгам на пути к великому соскальзыванию. Но не было ли бы требование «возвращения свободы» — при нынешней конъюнктуре — тоже только пустым лозунгом? Пусть. Но во всяком случае это было бы не более пустой фразой, чем «права человека» при коммунистическом строе. Не всегда, возражают некоторые. Например, Советский Союз выпустил еще с десяток евреев в Израиль и дюжину своих диссидентов в Евро-

пу, и можно будет услышать о: «действенном моральном давлении свободного общественного мнения». Но это так для тех, которые этим довольствуются. Для меня лично этого не достаточно. И не привлекает меня ни нео- «плюрализм», ни даже все «права человека» в общем фронте с так рекомендуемым сегодня еврокоммунизмом.

Грустно становится мне всегда от упрека: «Легко вам говорить, сидя на свободе и в благосостоянии Запада! А люди там...» Мое личное благосостояние таково, что когда я читаю об условиях, в каких живут там литераторы, мне они иногда кажутся недостижимой сказкой. Не говоря уже о вояжах по земному шару разных прогрессивных католиков, светски-левых и других «финляндцев». Самолеты, гостиницы, Стокгольм, Рим, Лондон, Рио де Жанейро, Париж, Нью-Йорк... Я не раз задумывался над тем, откуда они выжимают столько валюты — ведь это все невероятно дорого стоит! Кто это все субсидирует? Правда, источники бывают разные.

Но что больше всего удивляет, как это и почему пресса эмиграции (всех национальностей из коммунистического блока), которую сегодня можно бы определить: «бывшей антикоммунистической», вдруг отказывается вникать в подобные и другие более серьезные «мелочи»? Да, можно спросить: почему она не ставит под сомнение множество противоречий и проблем, хотя они прямо бросаются в глаза? Но вытянувшись в струнку, принимает все, что бы ни разыгрывалось на «диссидентской сцене»...

Как это великолепно выразил Н. Гумилев:

«Все мы.
»

Все мы смешные актеры
 В театре Господа Бога».

Да, это так. Но режиссеры-то попадают разные. И, казалось бы, пора после 60-летнего опыта опознать некоего, кто с высоты мировых подмостков

«Хитрую раскидывает сеть...»

А. ФЕДОСЕЕВ

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ» А. Н. АРТЕМОВА

В январском, за 1979 год, номере «Посева» А. Н. Артемов в статье «Коммунизмы» заявляет следующее:

«И тут встает вопрос об отношении некоммунистов, или антикоммунистов, к новому явлению «демократического коммунизма» на политической арене». И далее:

«Думается, наконец, что тактически и логически закономернее признать место этого явления в плюралистическом диапазоне демократии, отчлняя его от тоталитаристического фронта и поощряя развитие правовых потенций в нем, а стало быть, в конечном счете, оказывая известный «кредит доверия».

Итак, в дополнение к «демократическому социализму» и «социализму с человеческим лицом» появилась новая разновидность — «демократического коммунизма». Что же это такое? Прежде всего, Александр Николаевич Артемов отмечает, что на свете расплодилось множество коммунизмов и все они разные. В Албании один, в Китае — другой, в СССР — третий и т.д. Из всех осуществленных на практике, существующих, коммунизмов А. Н. ни один не называет демократическим, хотя каждый из этих коммунизмов сам провозгла-

шает себя демократическим в наивысшем значении этого слова. Более 20 государств мира с совокупным населением в 1,5 миллиарда человек осуществило коммунизм. Трансформация каждого из этих государств в коммунизм совершалась под лозунгом: свобода и права народу, уничтожение эксплуатации, расцвет духовной и материальной жизни народа, ликвидация нищеты и безработицы, содействие миру во всем мире и, конечно, высшая степень демократии, в целом. Как это отмечает и А. Н., все эти государства, вопреки обещаниям их вождей и лозунгам, являются неизменно тоталитарными диктатурами. Однако, А. Н. умолчал об одной важнейшей общей для всех них характеристики. Все они, без исключения, характеризуются тем, что главной и монопольной формой собственности в них является обобществленная, государственная собственность. Частная же собственность или отсутствует или имеет вспомогательное значение, полностью завися от государства.

Таким образом, вопреки А. Н., все его «разные коммунизмы» фактически вполне одинаковы. Язык, одежда, вид и поведение людей, география, уровень жизни, детали внешней политики и т. д. могут быть раз-

личны. Однако, во всех случаях хозяином людей является всемогущее государство, от него все зависит и оно всем командует, обеспечивая, конечно, завидные порядок и стройность. Именно из этого факта всемогущества государства вытекает концентрация власти в руках (конечно, вполне разумных и компетентных) управителей, обеспечивающих стройный и единый порядок, а также их фактическая диктатура и тоталитарность государства.

Кто же заслуживает, по мнению А. Н., названия «демократического коммунизма»? Им, по определению А. Н., является еврокоммунизм. Однако, ни один из еврокоммунистов еще не осуществился. Как узнать, что он сулит? Еврокоммунизм находится сейчас в «периоде обещаний и лозунгов». Может быть, есть важное, существенное отличие обещаний и лозунгов еврокоммунизма от обещаний и лозунгов Ленина, Мао, Хо-Ши-Мина и других коммунистов, раздаваемых ими **перед** захватом власти? Во всех обещаниях и лозунгах еврокоммунистов в отношении демократии, многопартийности, свобод, прав, процветания, никакой разницы нет. Еврокоммунисты отказались от диктатуры пролетариата. Так, ведь, ни при одном коммунизме пролетариат никогда и не правил и не правит.

Некоторые еврокоммунисты отказались от термина марксизм или ленинизм или даже от обоих вместе, заменив их термином «научный социализм». (Кстати, марксизм-ленинизм всегда претендовал для себя на термин «научного социализма»). Какое, однако, это имеет значение, если все равно власть концентрируется в руках управителей государства и означает все тот же тоталитаризм?

Большинство еврокоммунистов отмежевалось или отмежевывается от доктрины насильственного переворота, революции. Практика, однако, показывает, что для захвата власти революция совсем не обязательна. Гениальный итальянский коммунист Грамши это убедительно доказал и показал, как захватить власть, используя легальные, демократические процедуры. Всем известно, что Гитлер пришел к власти с помощью легальных, демократических средств. Больше того, попытка Гитлера перед этим захватить власть с помощью насилия провалилась.

Однако, те же еврокоммунисты, провозглашая с шумом на весь свет указанные выше обещания, лозунги, отказы и отмежевания, совершенно естественно, тихо и неизменно держатся главного стержня

коммунистической доктрины, все определяющего. Этим стержнем является, конечно, ликвидация частной собственности и тоталитаризм обобществленной государственной собственности. Все еврокоммунисты, под шумок, пользуясь любыми предложениями и способами, продолжают свою неизменную и все определяющую политику национализации, социализации, обобществления. Без всякого шума и незаметно для себя, проснувшись в одно прекрасное утро, европейцы обнаружат себя к своему удивлению, в тоталитарном государстве коммунизма (конечно, не демократического).

Вот, если бы еврокоммунисты громко отказались бы от обобществления народного хозяйства и начали проповедовать и, главное, проводить денационализацию, тогда можно было бы сказать, что они отличаются от обычных коммунистов. Тогда, может быть, можно было бы их признать демократическими. Ну и, конечно, решающей проверкой еврокоммунистов может быть только практическое осуществление еврокоммунизма **после** достижения ими власти.

А. Н., безусловно, все это знает, но призывает оказать еврокоммунизму кредит. В своей статье А. Н. не сообщает, какие именно черты еврокоммунизма для него привлекательны. В то же время и своей идеи «демократического коммунизма» А. Н. читателям не сообщает. Любопытно, что ни один из нынешних пропагандистов «хорошего социализма» или «демократического коммунизма» тоже нигде не дает конкретной расшифровки их идей. В прошлом году «Новое Русское Слово» опубликовало мою нижайшую просьбу к пропагандистам «хорошего социализма» объяснить в конкретных характеристиках их идею. А, вдруг, думал я, действительно, «хороший социализм» существует и есть нечто, радикально отличное от тоталитаризма обобществленного народного хозяйства! К сожалению, спустя уже полгода, никто из пропагандистов не соблаговолил ответить на просьбу.

А. Н. отличается от замалчивающих свою идею «социалистов с человеческим лицом» тем, что его конкретная позиция в вопросе «демократического коммунизма» очевидно совпадает с программой Н.Т.С.. Как председатель Н.Т.С., и один из главных творцов программы Н.Т.С., А. Н. несомненно отразил в ней свою точку зрения. Поэтому обратимся за разъяснением позиции А. Н. к этой программе. Я буду пользоваться официальной программой Н.Т.С., выпущенной издательством «По-

сев» в 1975 году.

Посмотрим, что говорит о коренном положении коммунизма (или социализма) — обобществлении народного хозяйства программа Н.Т.С. на стр. 86:

«Государственный сектор народного хозяйства составляют:

1. Природные богатства страны — недра земли, водные ресурсы, главный массив лесов, земельный резервный фонд;
2. Главные отрасли и предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности, а также оборонная промышленность;
3. Энергетика, транспорт, пути сообщения и средства связи общегосударственного значения;
4. Денежное хозяйство страны.

Государственный сектор народного хозяйства может, по мере надобности, создавать и другие хозяйственные предприятия, опытные станции и т. п., а также проводить крупные общественные работы».

На стр. 87 перечисляется обобществленная собственность в нижнем «этаже» государства, в местных самоуправлениях (эквивалент местных, городских и сельских Советов в СССР):

«В общественный сектор народного хозяйства входят все хозяйственные предприятия, принадлежащие самоуправлениям и общественно-правовым организациям, доходы от которых не идут в частные руки. К общественному сектору относятся в первую очередь:

1. Пути сообщения, транспорт и средства связи местного значения;
2. Предприятия по снабжению населенных пунктов топливом, водой, электричеством и газом;
3. Гражданское, жилищное и иное коммунальное хозяйство и строительство;
4. Предприятия и торговые организации по снабжению населенных пунктов, подлежащие, по своему характеру, общественному контролю;
5. **Сельскохозяйственные предприятия и машинопрокатные станции сельских самоуправлений.**

В общественный сектор народного хозяйства могут входить и другие хозяйственные отрасли, имеющие жизненное значение для местного населения».

На стр. 88:

«К основным видам народного хозяйства по частному сектору относятся:

1. Крестьянские землевладения;
2. Внутренняя торговля;
3. Легкая, кустарная и ремесленная промышленность;
4. Некоторые (?) виды транспорта;
5. Предприятия бытового обслуживания;
6. Строительство и эксплуатация жилых домов.

По частной инициативе могут развиваться и другие отрасли хозяйственной деятельности». На той же странице сказано, что «предприятия частного сектора создаются путем личного труда, вклада трудовых сбережений, а также путем выкупа на основе кредита, на договорных или арендных началах».

Таким образом, частная собственность допускается только очень мелкая и «легкая» промышленность не столько легкая, сколько мелкая, не говоря уже о том, что и все остальные разрешенные виды частного хозяйства тоже относятся к категории очень мелких предприятий. Если оценить совокупный объем производства частного сектора по программе А. Н., то едва ли он превысит даже 10% всего национального продукта.

Не трудно видеть, что структура народного хозяйства по А. Н. почти полностью соответствует структуре народного хозяйства СССР и так же, как в СССР, жестко продиктована сверху.

Следует отметить, что частный сектор по А. Н. имеет лишь одно существенное отличие от советского частного сектора, который, как это не покажется странным, в СССР тоже существует в существенных размерах: по недавним оценкам частный сектор СССР производит около 10% всего национального продукта. В этот частный сектор в СССР входят:

1. 3% земли под приусадебными частными сельскохозяйственными участками, производящими сейчас 28% всей сельскохозяйственной продукции СССР. (раньше даже 32%).
2. Садово-огородные участки трудящихся.
3. Строительство и эксплуатация частных домов и дач.
4. Колхозная торговля.
5. Частные артели, так называемых, «шабашников».
6. Весьма широко распространенная и быстро развивающаяся подпольная частная торговля и промышленность с подпольными фабриками и завода-

ми, признаваемая «де-факто» властями.

Таким образом, главное отличие программы А. Н. от советской состоит только в юридически- легальном существовании крестьянских землевладений.

Кстати Брежнев даже распорядился недавно поддерживать и развивать приусадебные участки. Что касается подпольной торговли и промышленности, то тут пока не ясно: Брежнев не хочет или не может ее ликвидировать?

Как и в СССР, в программе А. Н. на стр. 93 установлено, что:

«Принципы солидаризма требуют вмешательства государства в хозяйственную деятельность там, где имеет место злоупотребление хозяйственной свободой» (!?).

Там же видно, что это относится, главным образом, к частному сектору. На стр. 84 можно прочесть, что и без злоупотреблений частному сектору не сдобровать.

При такой власти государства частное хозяйство с помощью налогов, высоких цен на материалы, машины, удобрения, топливо, энергию, производимые государственным сектором, может так же быстро исчезнуть, как исчез в свое время НЭП. Нового законодательства для этого не потребуется. Процесс этого исчезновения будет почти неизбежным. Пример национализированных предприятий и предприятий, принадлежащих местным Советам в Западе показывает, что они всегда неэффективны и бюрократичны (конечно, как и в СССР) и кормятся за счет субсидий, т. е., в конечном итоге, за счет частных предприятий. В Англии, например, национализированное хозяйство съедает ежегодно до 8% всего национального продукта страны на субсидиях.

Ясно, что ничтожный, по А. Н., частный сектор не будет в состоянии субсидировать убытки огромного государственного сектора. Таким образом, частный сектор не только будет игрушкой в руках государства, но и будет обречен на разорение.

Если рассмотреть совокупность всех уже осуществленных вариантов структуры народного хозяйства в странах коммунизма, то и вообще станет ясно, что программа А. Н. просто ничем не отличается от коммунистической.

Может быть, однако, А. Н. предусматривает нечто особенное в управлении его могущественным обобществленным хозяйством? По А. Н., наряду с допущением любых партий, главной организацией в стране будут, так называемые, «трудовые» ор-

ганизации. По А. Н., они строятся следующим образом:

Стр. 56 и 57 — «Первичная организация Трудового Союза — трудовой коллектив предприятия или учреждения или объединения **индивидуально трудящихся**. Трудовой коллектив охватывает **всех** трудящихся независимо от профессии и должности».

Трудовые коллективы «объединяются соответственно территориальному делению страны, образуя, в конечном итоге, отраслевой, всероссийский Трудовой Союз».

Стр. 58 — «Всероссийские Трудовые Союзы образуют Совет Труда».

Легко видеть, что структура Труда, по А. Н., в точности соответствует структуре советских профсоюзов и обладает тоталитарной централизацией. Совет Труда, по А. Н., объединит в России всех трудящихся, т. е. около 140 миллионов работников страны.

Структура Труда, по А. Н., одновременно точно соответствует и централизованной структуре КПСС. Разница же состоит в том, что КПСС командует, примерно, 14 миллионами членов, а Совет Труда будет командовать 140 миллионами членов. Не трудно убедиться в колоссальной концентрации власти в Совете Труда.

Посмотрим теперь, чем же организации Труда занимаются под руководством Совета Труда?

Стр. 57 — (1) «Участствует в управлении предприятием» (любым, включая и частные предприятия и их владельцев).

(2) «Рассматривает и обсуждает **производственные планы**, вопросы организации труда и **производства**, вопросы нормирования, применения местных тарифных сеток и ставок» (зарплаты).

(3) «Заключает коллективный договор и следит за его выполнением» (т. е. и следит за выполнением плана). Тут уже не ясно, с кем же заключается коллективный договор? Ведь, все трудящиеся, «независимо от профессии или должности», входят в Труд, т. е. и все начальники, администрация и управление. Видимо, имеется в виду не коллективный договор, а, скорее, согласованный кодекс поведения трудящихся на предприятии.

(4) «Решает вопрос о распределении прибыли предприятия». (Интересно, а что будет, если прибыли не окажется, а будет убыток?).

(5) «Рассматривает трудовые конфликты».

(6) «Разрабатывает типовые трудовые

договоры, вырабатывает производственные нормы, тарифные ставки и сетки.

Не трудно видеть, что организации Труда, возглавляемые Советом Труда, по мысли А. Н., полностью и нераздельно управляют всем народным хозяйством страны, включая все его секторы. Трудовые организации определяют и организацию труда и организацию производства, определяют планы производства и следят за их выполнением, определяют производственные трудовые нормы (т. е., сколько и чего каждому трудящемуся положено произвести и за какое время), определяют зарплаты, определяют распределение прибыли (если есть), улаживают трудовые конфликты.

Таким образом, тотально централизованная система Совета Труда с его Трудовыми организациями объединяет в себе одной и функции, выполняемые советскими профсоюзами, и функции, выполняемые КПСС. Вся страна будет целиком зависеть от решений Совета Труда. Естественно, что никакой Парламент и никакие партии в

стране не будут в состоянии противопоставить себя воле Совета Труда с его 140 миллионами членов.

Несмотря на огромное количество лозунгов и обещаний, затемняющих действительное «лицо» «демократического, по А. Н., коммунизма», этот «демократический коммунизм» в еще большей степени тоталитарен, чем даже существующие коммунизмы.

Можно себе представить ужас русского народа, опрокинувшего советскую рабскую систему, и под руководством А. Н. попавшего в систему еще большего рабства под знаменем высокопарных лозунгов и обещаний.

Понятно, почему А. Н. так агитирует за «демократический коммунизм»: он агитирует за свой коммунизм, им заново изобретенный. Только демократией его «демократический коммунизм» даже и не пахнет. По тоталитаризму его «демократический коммунизм», как говорится, даст сто очков вперед любому из 20 существующих коммунизмов.

Редакция ставит эту статью А. Шифрина на дискуссию.

Редакция.

Авраам ШИФРИН

ЗАГОВОР БЕЗДЕЙСТВИЯ

От приезжающих из СССР с желанием активно действовать против сатанинского режима царящего в России можно часто услышать: Что можно делать? Какими путями дойти до сознания жителей Запада еще не знающих чем им угрожает коммунистическая лавина? Кто и какие организации реально работают для этого?

Из собственного опыта хорошо знаю как тяжело пробиваться через равнодушие и «левые» настроения в «мире свободы». Обезжая многие страны с лекциями, организуя, еще в декабре 1971 г., первую всемирную демонстрацию в годовщину Декларации прав человека в защиту политзаключенных СССР, издавая книгу свидетельств о лагерях СССР, организуя отправку в СССР книг в тайниках переделанного автобуса, обращаясь к руководителям государств и общественных организаций, беседуя с главой профсоюзов США г. Д. Мини и пытаясь убедить его в том, что именно он должен возглавить работу по изучению проблем рабского труда в СССР, построив и продемонстрировав в дни 200-летия

США около Сената советский «воронок», выступив в Сенате США на специальном слушании о лагерях в СССР я убедился, что действия одиночки тщетны. Убедился я также и в том, что хотя много есть в мире светлых и честных людей, те кто занимается политикой профессионально — это демагоги с равнодушными сердцами. Они заинтересованы в какой-то поддержке мучающихся в СССР только в те моменты, когда это нужно им для предвыборной кампании.

Что же можно делать людям, приезжающим с надеждой на то, что «здесь еще этого не знают, вот я приеду, расскажу и тогда...»? Они, мы все, простые смертные, рядовые бывшие З/К безусловно должны ежедневно свидетельствовать перед людьми Запада об ужасах творящихся в СССР и показывать им симптомы того, что это же надвигается и на них вместе с «прогрессивным» левым радикализмом. На большее увы, единицы неспособны. Но при этом нам всем неплохо бы помнить, что дело свободы России не сможет стать для еще свободных людей Запада так близко, как для

выходцев оттуда из России. И мы не можем надеяться на то, что они сделают нашу работу.

Думая об этом я всегда обращаю свои мысли в сторону тех, кто мог и должен был бы действовать на Западе от имени России: к Солженицыну, Буковскому, Синявскому, Амальрику, Максиму и другим диссидентам выехавшим из СССР на волне славы, известных всему миру.

Почему они не действуют?

О нет, возразят мне: они действуют, они пишут книги, выступают с речами, издают журналы, встречаются с общественными и государственными деятелями.

Да, это так. Но все эти методы хороши для рядовых выходцев из СССР, а для этих, столь известных и ответственных в силу своей известности, есть большие возможности. Для них подобные действия, — лишь попытка успокоить совесть. Все эти старые методы изжиты давно руководителями предыдущих волн эмиграции из СССР. Нужны принципиально новые методы борьбы, методы наступления на СССР, а не пассивной обороны против идущего оттуда наступления. Никого на Западе в наше время книгами не удивишь: их читают и забывают. И люди здесь, стараясь успокоить свою несколько потревоженную совесть, еще упрекают авторов в «преувеличениях». Вот уже и Солженицына это коснулось не раз. Но все же все стараются писать книги... Еще и еще раз доказать уже известное...

После великолепных исследований Авторханова, Барона, Шапира, Лайонса, Дон Левина, что еще можно добавить об ужасах происходящих в СССР? Запад пресыщен книгами. И власти в СССР это хорошо поняли. Именно потому, что диссиденты, высланные из СССР, только и заняты книгами, а не действиями, власти СССР стараются избавиться от них этим методом. Высылая известного диссидента они выдерживают беспокоящую их занозу, которая в теле СССР зудит, а будучи «вынута» в свободный мир теряет всякое значение, так как книги на Западе не помогают.

Хранятся в архиве Госдепартамента США донесения людей из СССР написанные в период 1918-20 годов: — «вы просите факты о творящихся в СССР ужасах и мы посылаем их Вам; мы уверены, что в неподсоветском мире ужаснутся и примут меры, чтобы покончить с этим». Примут меры... Покончат... Мы то знаем теперь, что еще и помогут СССР устоять...

Опрокинуть врага лишь перечисляя деяемые им преступления невозможно. И не

на кого надеяться в этом сытно и весело живущем обществе, которое искренне не ведает, что и для них «коммунизм не за горами» — то бишь советские танки.

Почему же в этой ситуации «киты» советской эмиграции еще ни разу не призвали те несколько миллионов выходцев из СССР хотя бы к реальному объединению здесь, за границей? Почему не создали Центр антикоммунистической разъяснительной работы, который бы объединил усилия единиц?

Почему не призвали все национальные эмигрантские организации объединиться в один кулак на равноправных условиях, не декларировали их право на самостоятельность?

Где она инициатива и наступление тех, кто выехал из СССР на вершине волны своей тамошней активности? Без активности здесь они обречены на забвение. Ведь мы видели уже на ряде примеров, что активные в СССР диссиденты, выехав на Запад, неверно применяли свою энергию и известность, быстро растрачивали свой закал, и очень скоро их роль сводилась к нулю.

Почему до сих пор никто из ведущих диссидентов России, находящихся на Западе, не потребовал, например, от г. Д. Мина конкретной защиты тех храбрецов-рабочих, которые сегодня пытаются создать в СССР первый независимый от государства профсоюз? Ведь это именно то, чего инакомыслящие в СССР ждали много лет: их идеи из интеллигентских «верхов» начали проникать в среду рабочих и дали плод. Развитие этого рабочего движения в СССР требует реальной и немедленной помощи, а не банкетов с речами. Почему не потребовать от рабочих США и Европы поддержки этих героев в СССР? Например, прекращения работ по отправке грузов идущих в СССР и приостановки выполнения работ по заказам из СССР?

Такие действия в руках свободных рабочих профсоюзов Запада, но к ним надо обратиться с позиций, откуда голос прозвучит убедительно. А это недоступно для единиц, какими бы известными юни ни были.

Почему бы тем, кто считает себя ответственными за судьбы России и декларирует это, не собрать съезд активных выходцев из СССР и не провозгласить там правительство России в изгнании?

Где то хранятся денежные фонды царской России, почему бы не использовать их на дело спасения России? Для неорганизованных единиц это невозможно, но

для Правительства в изгнании это станет реально. Но вместо этого мы видим разделение на бесчисленные группы, слышим все о новых ссорах и сведениях счетов...

Безусловно правителям СССР очень на руку все это и они рады разобщению сил эмиграции. Может быть кто-то умно и продуманно направляет эти действия по разединению сил и политику не более чем пассивной обороны? Ведь есть уже на памяти русской эмиграции грустный опыт работы «Треста»...

Я отнюдь не считаю себя причастным к делу спасения России; слава Богу, я уже дома, в Израиле.

Но мои друзья мучаются и сегодня в концлагерях, тюрьмах и психтюрьмах СССР через которые прошел и я, за их судьбу я считаю нужным бороться сегодня пока они еще живы (увы, уже не все...).

Кроме того меня, как израильянина,

жителя свободного мира, волнует империалистическая интервенция СССР и их подрывная деятельность угрожающая уже всему миру.

Наш Центр бывших политзаключенных из СССР исследует сегодняшнее положение в местах заключения, доводит эти факты до сведения заинтересованных в этом людей и организаций и считает это своей посильной работой не претендуя сегодня на большее. Мы были бы рады довести эти сведения до всего мира, но возможности у нас нет, не существует всемирного центра антикоммунистической контрпропаганды.

Может быть, хватит уже разговоров и пора перейти к активной работе против наступающего коммунизма?

Кто способен возглавить это? Ждали Солженицына, возлагали надежды на приезд Буковского. Кого будем ждать еще?

Е. ВАГИН.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В АВСТРАЛИИ

Я, ВАГИН Евгений Александрович, русский, православный, родился в 1938 г. в Ленинграде. В 1960 году окончил Ленинградский Университет, в 1962-65 гг. был аспирантом Института русской литературы АН СССР, после чего работал в этом институте научным сотрудником. Подготовленную диссертацию не успел защитить, т. к. в феврале 1967 года был арестован органами КГБ.

Я был еще студентом, когда в октябре 1956 г. произошло событие, оказавшее сильное влияние на людей моего поколения: венгерская антикоммунистическая революция. Вместе с официальным разоблачением преступлений Сталина на XX съезде КПСС, это событие невольно заставляло задумываться как над природой советского режима, так и над сущностью марксистской идеологии.

По времени это совпало с периодом религиозных исканий, пробудившихся у меня при углубленном знакомстве с нашей национальной традицией, воплотившейся в русской классической литературе — предмете моих университетских занятий. Помимо этого я начал самостоятельно изучать произведения русских и западных религиозных мыслителей.

В результате — что для русских вполне традиционно — интерес к проблемам социально-политическим стал почти неотде-

лимим от вопросов духовного порядка: они воспринимались сквозь призму складывавшегося христианского мировоззрения. Формально я продолжал числиться комсомольцем (со школьных лет); фактически же я постепенно эволюционировал от социалистических утопий к социальному христианству или персонализму. Произведения Достоевского, Вл. Соловьева и Н. Бердяева были опорными моментами в моих духовных исканиях.

Знакомство (в университете) с моими будущими единомышленниками — особенно с **И. Огурцовым** — привело к тому, что мы вместе стали обсуждать вопросы вечные и насущные, вместе стали думать над поисками выхода из создавшегося положения.

Напомню, что как раз в эти годы: 1956-1963 в нашей стране происходили изменения, чрезвычайно важные для всего общества в целом. После короткого периода идеологической «оттепели», двусмысленный хрущевский «либерализм» стал исчезать и на смену ему снова появился призрак возрождавшегося сталинизма. Это было время, когда представители разных общественных слоев — главным образом, советской интеллигенции — обратились в редакции журналов и высшие инстанции, с тревогой указывая на явные признаки возрождения официально осужденного

«культ личности». Эти заявления и открытые письма (как и литературные произведения о лагерях) распространялись полу-подпольно, знаменуя начало Самиздата. Вместе с тем, это было и первым симптомом рождавшейся легальной оппозиции: то есть апелляции к духу и букве конституции СССР и советских законов.

Но нам было известно и о существовании оппозиции нелегальной: сразу же после 1956 года прошла волна арестов, захватившая и наш университет. Большинство участников тогдашнего подпольного движения были марксистами — ревизионистского или реформистского типа: но и они не могли открыто говорить о своих взглядах, и их сурово наказывали.

В наших размышлениях о сложившейся в стране ситуации, ее прошлом и предполагаемом будущем мы все больше приходили к убеждению, что так называемый «культ личности» органически присущ самой системе и есть кульминационный пункт всей марксистско-ленинской доктрины, окончательно дискредитировавшей себя; что нашему обществу необходимо моральное обновление. Выход из затянувшегося кризиса мы видели в сознательной христианизации культуры, политики и экономики.

Не было сомнений в том, что положение в стране — кризисное. Усилилась атеистическая пропаганда, и были закрыты — по указанию «либерала» Хрущева — около половины действовавших православных храмов. В 1962 году в Новочеркасске вспыхнуло вызванное продовольственными затруднениями рабочее восстание: оно было жестоко подавлено спец. частями КГБ (об этом рассказал в III томе «Архипелага ГУЛаг» А. Солженицын). Народное недовольство проявлялось все отчетливее и давало основание предполагать возможность массовых выступлений...

В таких условиях и родилась идея нелегальной организации, которая, будучи заранее к этому подготовлена, в случае стихийного народного возмущения — подобного восстанию в Будапеште в 1956 году — могла бы «канализировать», направить в организованное русло энергию, таившую в себе кровавые эксцессы...

Но главной задачей Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН) — название нашей организации — была задача чисто идеологическая: подготовка «альтернативной» идеологии — изжившему себя, духовно мертвому марксизму-ленинизму. Как сейчас можно убедиться — эта наша установка была принципиально правильной и своев-

ременной. Отдаленной целью нашей группы было — развертывание в стране социал-христианского движения, подобного христианско-демократическим и социально-христианским партиям свободного мира.

Практическая деятельность ВСХСОН, созданного 2 февраля 1964 года, и заключалась исключительно в переводах, размножении и распространении (в узком круге единомышленников) запрещенной в СССР литературы религиозно-философского и политико-экономического содержания. Литературу мы получали главным образом от наших друзей-иностранцев: студентов и стажеров из западных стран, обучавшихся в Ленинграде. Среди этих книг — названия которых фигурируют в Обвинительном заключении: социальные энциклопедии Папы Иоанна XXIII «Мать и Наставница» (*Mater et Magistra*) и «Мир на земле» (*Pacem in terris*) (имевшие большое значение для выработки положительной части нашей программы), сочинения Ж. Маритэна (*J. Maritain*) и «Ортеги-и-Гассета», (*Ortega-y-Gasset*), немецкого экономиста В. Рёпке (*W. Röpke*) и немецкого историка Г. фон Рауха (*G. von Rauch*), «Новый класс» М. Джиласа (*M. Djilas*) и хроника венгерской революции 1956 г. Т. Мерая (*T. Meray*). Кроме того — напечатанные на Западе книги русских мыслителей (особенно — Н. Бердяева), высланных в 1922 г. из Сов. России.

В феврале-марте 1967 года все члены нашей организации — около 30 человек — были арестованы КГБ по доносу провокатора — и затем осуждены на двух судебных процессах в Ленинграде: в ноябре 1967 и в апреле 1968 гг.

В своих показаниях мне хотелось бы обратить особенное внимание на судьбу лидера ВСХСОН — Игоря В. Огурцова, востоковеда (семиолога) осужденного сурово и несправедливо: 20 лет тюрьмы, лагеря и ссылки. К настоящему времени Огурцов находится в неволе уже более 11½ лет; после 7 лет страшной Владимирской тюрьмы, нескольких месяцев лагерной психиатрической больницы его держат пятый год в лагере строгого режима в Пермской области. До конца срока ему остается еще более 8 лет. Между тем состояние его здоровья — по сообщениям его близких — катастрофически ухудшается; сейчас он серьезно болен. Если не удастся добиться освобождения Огурцова из лагеря, его неизбежно ожидает участь другого моего хорошего знакомого — Ю. Галанскова, умершего за ключей проволокой в 1972 г.

Я сказал, и повторяю, что И. Огурцов

осужден несправедливо. Два адвоката дважды подавали юридически обоснованные требования о пересмотре дела: им было отказано, а одному, в неофициальном порядке, было сказано, что этим делом занимаются непосредственно в ЦК КПСС. Участвовавший в процессе адвокат Ю. Лурьи, ныне проживающий в Канаде, написал об этом судебном фарсе статью в русском эмигрантском журнале «Новый Журнал» (1975, № 119).

Четверых человек, в том числе И. Огурцова и меня, судили отдельно от других членов организации (что уже юридически неоправдано) — как ее руководителей. Нас обвинили в организации заговора с целью «вооруженного свержения советского государственного и общественного строя и установления в СССР буржуазного режима». (К сожалению, сенсационный характер обвинения создал нездоровую атмосферу вокруг ВСХСОН, что отразилось в некоторых западных публикациях: например в книге проф. Данлопа «Новые русские революционеры» John B. Dunlop „The new russian revolutionaries” 1976). Смехотворное обвинение базировалось на неосторожной фразе в Программе ВСХСОН и на изъятом пистолете, из которого не было никогда произведено ни одного выстрела. В качестве «доказательства» наличия заговора в наших действиях (правильнее — намерениях!) прокурор с пафосом указывал на имевшуюся у нас книгу К. Малапарте (С. Malaparte) «Техника государственного переворота» — антифашистский памфлет итальянского писателя, сожженный нацистами в 1933 году и запрещенный сегодня в СССР!

Я хочу указать на характерную особенность советских политических процессов последних лет: обвиняемый, который не отказывается публично от своих убеждений на суде, подвергается особо суровому наказанию. Лично я проявил слабость, признав себя виновным в абсурдном обвинении — «измена родины» — и получил 8 лет лагерей строгого режима. Не признавший этого обвинения И. Огурцов получил вдвое больше плюс ссылку.

В своем письме из лагеря, опубликованном в зарубежной прессе, Огурцов свидетельствует, что в продолжение долгого следствия ему систематически на каждом допросе грозили расстрелом. Действительно, «высшая мера наказания» предусматривается статьей 64 УК РСФСР, по которой нас судили. Я убежден, что от более тяжкого наказания нас спасло Открытое письмо Председателю Совета министров СССР Косыгину, опубликованное в парижской га-

зете «Ле Монд», и подписанное французскими академиками Ф. Мориаком (F. Mauriac), Г. Марселем (G. Marcel), Р. Аронном (Raymond Aron), П. Эммануэлем (P. Emmanuel) и другими. И, тем не менее, Огурцов получил 20 лет заключения.

Не имею возможности подробно остановиться на драматической истории долгих лет заключения Огурцова, в результате которых из цветущего здоровьем атлета он превратился в инвалида, который с трудом ходит, и которого, тем не менее, заставляют работать кочегаром. В защиту Огурцова неоднократно высказывались многие известные деятели свободного Запада и советской оппозиции; совсем недавно 43 американских конгрессмена обратились к Брежневу с просьбой об освобождении Огурцова из лагеря и разрешения ему эмигрировать из СССР (инициатива конгрессменов Гилда и Макдональда). В 1975 году И. Огурцов в знак протеста против продолжающихся беззаконий, отказался от советского гражданства и просил бельгийского подданства.

Случай И. Огурцова далеко не единственный. Уже второй раз находится в советском лагере молодой историк **Владимир Осипов** (1939 г. рождения). В 1961 г. он был осужден на 7 лет лагерей за создание группы марксистско-ревизионистского толка. Он полностью отбыл свой срок, и в лагере (где мы с ним встретились) стал верующим христианином. После своего освобождения, с 1971 года В. Осипов стал издавать машинописный журнал «Вече», определенный в редакционном предисловии как «русский патриотический журнал». В. Осипов, будучи его редактором, сделал специальное заявление, в котором указал, что «Вече» является легальным органом, что политические проблемы не входят в его тематику и что журнал не ставит своей целью умаление достоинства других наций. Вышло девять номеров «Вече», в конце каждого был обозначен адрес редактора и его фамилия; почти все участники издания также подписывались собственными фамилиями. Политических вопросов авторы статей не обсуждали: материалы были посвящены истории, литературе, церковной жизни. Тем не менее, арестованный осенью 1974 года, В. Осипов был обвинен в «антисоветской агитации и пропаганде» и осужден на 8 лет лагерей строгого режима. В настоящее время он находится в одном из мордовских лагерей.

Я прошу обратить внимание на тот факт, что И. Огурцов был руководителем **нелегальной** группы, В. Осипов — стоял на

твердых позициях «легализма» (и даже в одной из статей осуждал ВСХСОН за подпольность). Тем не менее, советский суд счел виновными того и другого, ибо любое проявление самостоятельной мысли в Советском Союзе является государственным преступлением.

Прошу обратить внимание и на то обстоятельство, что деятельность как Огурцова, так и Осипова не была исключительно политической, но определялась религиозными их убеждениями. Я считаю, что этот религиозный момент дополнительно отягчил участь названных мною лиц.

Ибо религиозные преследования, начавшиеся с первых же дней установления советского режима, продолжают до настоящего дня: меняются формы и методы гонений, но они не прекращаются. На основании слышанного и виденного в лагерях я могу свидетельствовать об этом, равно как и об ограничениях религиозной свободы для верующих в «нормальных» (не лагерных) условиях. Преследованиям подвергаются верующие, независимо от вероисповедания, всех имеющихся конфессий: вы можете убедиться в этом из прилагаемых документов Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР, существующего с 1976 года.

Коротко упомяну о нескольких случаях, нескольких людях, которых знал лично:

Василий Васильевич Калинин (около 60 лет) — принадлежит к запрещенной в СССР религиозной общине ИПЦ — Истинно-Православная Церковь. На Западе ее называют обычно Катакомбной церковью. Запрещена она не потому, что принадлежит к числу изуверских сект: в ее учении и религиозной практике нет никаких расхождений с вероучением и обрядностью Русской Православной Церкви. Однако ее приверженцы и последователи, в отличие от церковного руководства Московским патриархом, не хотят идти на компромисс с безбожной властью. Неприятие ими марксистской идеологии и советского режима расценивается властями как «антисоветская агитация и пропаганда».

За доказанный факт принадлежности к ИПЦ советский суд в свое время назначал наказание — 25 лет лишения свободы (см. документ на стр. 129 в прилагаемом томе Первом *Documents of the Christian Committee for the defense of believers rights in the URH*. В. Калинин в свое время был осужден на 25 лет, и до настоящего времени находится в мордовских лагерях.

Православный священник (Московской

патриархии) **о. Борис Заливако** (род. 1940). Назначенный в приход на Дальнем Востоке, он скоро убедился, что не может выполнять свои пастырские обязанности должным образом — власти чинили ему всяческие препятствия. О. Борис Заливако решил уйти на Запад, чтобы там изучать богословие. В 1967 г. он нелегально перешел границу с Чехословакией, был арестован чешскими властями и выдан органам КГБ. Его, под угрозой помещения в психиатрическую больницу, принудили признать себя виновным в «измене родины», и осудили на 8 лет лагерей строгого режима. В лагере, где его постоянно окружала молодежь, о. Бориса Заливако обвинили в том, что он занимается «антисоветской пропагандой» — тогда как он единственно давал возможность желающим записывать слова молитв. Из лагеря его перевели в тюрьму, где он тяжело заболел. В настоящее время отбывает 5-летнюю ссылку в Сибири, работает конюхом.

О положении верующих в лагере рассказывает самиздатский документ, напечатанный в журнале „*Religion in Communist Lands*” vol. V, № 4, winter 1977. Его автор — **Евгений Иванович Пашнин-Сперанский**, мой близкий знакомый по лагерю, я подтверждаю истинность его показаний. (По моей просьбе текст Е. И. Пашнина был включен в стенограмму слушаний Подкомитета: pp. 979-981 — Е. В.)

Наконец, другой священник Московской патриархии — **о. Лев Конин** (род. 1945), в сентябре 1978 г. вынужденно эмигрировавший на Запад: я с ним беседовал перед своим нынешним отъездом в Австралию. Он несколько раз помещался в психиатрическую больницу. По обвинению в распространении религиозной литературы (о. Лев Конин в это время уже был рукоположен в священники и окончил полный курс Богословской академии со степенью кандидата богословия) был снят с прихода в 1973 г., и больше ему не разрешали служить в церкви. В апреле 1977 г. был арестован и снова помещен в психбольницу. Кампания в прессе на Западе помогла ему эмигрировать. Тексты документов, относящихся к этому случаю — см. на стр. 111-117 прилагаемых *Documents of the Christian Committee...*

Я сказал — «вынужденно эмигрировавший». Поскольку я сам принадлежу к этой категории людей, скажу несколько слов об этом. В последние годы в СССР для некоторых создается трагическая дилемма: тюрьма (вариант — психобольница) — или, под давлением КГБ — эмиграция.

В первую очередь это затрагивает бывших политзаключенных.

О В. Осипове и его втором сроке я уже говорил. Другой недавний пример еще более впечатляющий. Литовский католик **Балис Гайяускас** 14 апреля 1978 года был осужден в Вильнюсе на 10 лет лагерей специального режима и 5 лет ссылки. Но дело в том, что до этого Б. Гайяускас уже отсидел в тюрьмах и лагерях 25 лет: я был в одном лагере с ним (в Мордовии — учр. ЖХ-ЗФ5(19), откуда он освобожден после своих двадцати пяти лет заключения).

Как правило, человек, прошедший политический лагерь, не может работать по своей прежней специальности, особенно, если он имел отношение к гуманитарным наукам. Вот несколько примеров:

Н. В. Иванов — историк русской Церкви, до ареста преподавал в Ленинградском университете; после лагеря работал сторожем в церкви, но КГБ добились его увольнения; **Г. Н. Бочеваров** (сын расстрелянного Сталиным болгарского коммуниста), востоковед по образованию — в настоящее время работает на мебельной фабрике; **С. С. Устинович** — языковед, рабо-

тает механиком по ремонту радиоприемников.

Репрессии касаются иногда родных и близких бывшего заключенного. Так, жене моего литовского друга по лагерю — **Альдоне Шндуйкене**, — окончившей консерваторию, не дают возможности работать по специальности из-за политической судимости мужа и по причине ее религиозных убеждений (см. *Cronicle of the Catholic Church in Lithuania*, № 26, pp. 34-35).

Сам я после своего освобождения в феврале 1975 года не мог и думать о возвращении в Институт русской литературы, работал грузчиком на заводе и кочегаром.

Выехал на Запад с семьей под давлением КГБ по вызову из Израиля, хотя я и моя жена — русские, и еврейских родственников не имеем. Проживаю в Италии, где работаю на Радио Ватикана и преподаю русский язык. Участвую в работе римской организации „Centro Russia Ecumenica”; в настоящих моих показаниях выступаю от имени Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР (см. том I, стр. 41).

С. Л. Войцеховский, автор книги о первой большой советской провокации «Трест», прислал нам некоторые документы, не так давно разысканные, которые относятся к этой провокации. Мы считаем, что сейчас они стали снова весьма актуальными, т. к. нет сомнения, что в той или иной форме и сейчас намечается или уже действует провокация большого размаха. Доверчивым эмигрантам следовало бы вспомнить, что даже еще на заре своего существования советский режим доходил даже до гриммирования живых людей под покойников, чтобы обмануть тех, кто хотел против него бороться. Поэтому мы публикуем эти документы.

Редакция.

НОВОЕ О ТРЕСТЕ

Письмо М. В. Захарченко

Сохранилось письмо, посланное Марией Владиславовной Захарченко Пепите Рейли, жене Сиднея Георгиевича Рейли (Сигизмунда Розенблюма), после бегства автора письма из Москвы в Гельсингфорс, подготовленного перешедшим с нею советско-финляндскую границу «раскаившимся чекистом» Опперпуттом.

Оно написано на французском языке, которым М. В. Захарченко, очевидно, владела превосходно. Судьба Сиднея Рейли изображена в нем так, как она до сих пор описывается советскими источниками, вопреки утверждению московского «диссидента» Револьта Пименова, что он был в действительности советским агентом, обманывавшим русских эмигрантов и иностранные разведки.

Дата письма не указана, но известно, что М. В. Захарченко и Опперпут появились в

Гельсингфорсе 11-го или 12-го апреля 1927 года и что 31-го мая того же года они перешли границу из Финляндии в Россию для — как полагала Захарченко — террористического акта в Москве. Поэтому ее письмо не могло быть написано ранее 13-го апреля или после 30-го мая, но выраженное в нем желание получить ответ заставляет отнести его к началу указанного срока.

◆
Моя дорогая Пепита,

Катастрофа случилась, все потеряно, все разбито, ничего впереди не осталось, кроме могилы и смерти. Невозможно жить с тем, что я недавно узнала после четырех лет работы, которой я посвящала все с такой радостью. Теперь я знаю, что все было ложью; что я была одурачена, как многие другие; что меня обманывали изо дня в день.

Наша организация была полна провока-

торами, игравшими первую роль и лишавшими честных, возможности проникнуть вглубь нашей работы. Когда я хотела что-либо выяснить или иметь собственное мнение, меня обвиняли в нарушении дисциплины. Каждый раз я гасила свои сомнения и подчинялась. Настал, однако, день, когда один из тех, кто был в это вовлечен силой и оставался с ними, гипнотизированный их всемогуществом, восстал и сказал мне все. Он бежал затем из России и теперь разоблачает всю грязь, всю низость этих людей. Ты прочитаешь это в газетах; ты, наконец, узнаешь то, что нас так долго мучило. Мой долг заставляет меня, однако, нести мой крест до конца и все тебе рассказать. Твой муж убит самым подлым и гнусным образом. Он никогда не достиг границы. Вся эта комедия была разыграна для нас. Его арестовали в Москве, его держали в течение месяца на Лубянке на положении привилегированного заключенного. Ежедневно его вывозили на прогулку в автомобиле и во время одной из этих прогулок он был убит выстрелом в спину по приказанию одного из возглавителей ГПУ. — Артузова, давнего личного врага С. Г., отомстившего ему таким низким образом. Его убили без суда, без обвинения как убивают разбойников. Все остальное — отъезд С. Г. в Петроград, его приближение к границе, засада в Аллекюле — было ложью и комедией. Была разыграна на границе перестрелка, четверых человек раскрасили и принесли их, под видом трупов, на станцию, где их видели наши люди. Позднее в советских газетах была опубликована статья, сообщившая, что четыре человека были убиты вблизи финляндской границы.

Тот факт, что я этого не знала, не уменьшает моей ответственности. Его кровь — на моих руках. Она давит на всю мою жизнь. Я ее отмою, отомстив ужасным образом или погибнув.

Я не смею что-либо сказать тебе, которой я причинила столько несчастий. Я только хочу, чтобы ты знала, что я не останусь в живых, если его кровь не будет отомщена.

Твоя М.

П. С. У меня к тебе еще одна просьба: напиши мне на имя Швецова все, что ты сможешь найти в письмах, касающихся дела Савинкова, о человеке, который назывался Александром Упелинцем-Опперпуттом. Какую роль он играл в прошлом Савинкова и какую ему дают характеристику.

Письмо доказывает, что М. В. Захарченко поверила «раскаjianию» Опперпута настолько, что вернулась с ним в конце мая 1927 года из Финляндии в Россию для попытки взорвать общежитие ОГПУ на Малой Лубянке. До этого, однако, она хотела пополнить полученными от Пепиты Рейли сведениями то, что Опперпут, очевидно, рассказал ей о своем провокационном участии в савинковском Союзе Защиты Родины и Свободы.

Рассказу Опперпута о смерти Сиднея Рейли она поверила, но английская разведка отнеслась к нему скептически. В годы направленного против национал-социалистической Германии союза Великобритании с СССР она пыталась получить в Москве от советских учреждений более точные данные о судьбе Рейли, но это ей не удалось.

С. В. Войцеховский.

Д. ШТУРМАН.

ЛЕНИН. ДЕТАЛИ ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

«...Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге... Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше...»

Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», бред Раскольникова.

1.

О человеке написаны горы книг, сыграны километры фильмов, поставлено множество спектаклей, есть даже оперы.

Человек запечатлен в миллионах портретов и на сотнях полотен, увековечен в камне, в бронзе и в дереве.

Но, когда открываешь тома его сочи-

нений, встречаешься с неожиданной личностью, с неожиданным ходом и строем мыслей с неожиданной психологией, с неожиданным стилистическим разнообразием, с неожиданными поступками.

Пытаться рассказать о Ленине коротко — все равно, что пытаться ручным фонарем осветить огромный запутанный лабиринт (а не высокий храм, как представляется многим). И все-таки мы поднимем фонарь (благо, вокруг их стало зажигаться все больше), и попытаемся осветить на свой манер хоть подступы к некоторым ходам лабиринта.

2.

Даже самые популярные его работы не прочитаны теми, кто «сдавал» по ним уйму всяких экзаменов.

Вот один из примеров.

В каждой советской школе висит плакат: «Учиться, учиться, учиться, — так завещал Ильич». Кто из нас помнит, что в хрестоматийной речи «Задачи союзов молодежи», произнесенной Лениным на III съезде РКСМ в 1920 году, говорено им не только о необходимости учиться, «обогащать свою память» «точным знанием культуры» и далее в том же роде? (В. И. Ленин, «Задачи союзов молодежи», речь на всероссийском съезде коммунистического Союза молодежи, изд. «Молодая гвардия», 1975). В этой по сей день программной для комсомола речи даны Лениным многократные предельно упрощенные определения коммунистической морали и нравственности.

Упрощенность формул достигается Лениным и лексически, и через обеднение содержания. Две-три плоские мысли внушаются слушателям посредством настойчивой тавтологии. Мы потому с этих определений начинаем свой очерк, что они ведь и для самого Ленина программные: они составляют основу его общественно-политического поведения.

«Всякую такую нравственность, взятую вне человеческого, вне классового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».

«Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует: это обман. Для

нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов».

«Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».

Социальная этика Ленина (а впрочем, как отделить социальную этику от личной? Этика по определению категория личная) в этой речи, обращенной к невежественным подросткам, составляющим основную массу комсомольцев начала 20-х годов, целиком укладывается в роковую формулу: «Я освобождаю вас от химеры совести». С полудетского (в ту пору восемнадцатилетние уже шли в партию, а не в комсомол) сознания снимаются все заповеданные тысячелетиями ограничения и обязанности перед другими людьми. Взамен выдвигается единственное условие праведности. — **ВЕРНОСТЬ ПАРТИЙНЫМ ЦЕЛЯМ И ИНТЕРЕСАМ.** Пафос ленинского обращения к молодежи питается тремя задачами: внушить убеждение слушателям в тождественности служения партии и нравственности: возбудить ненависть к земледельцам, не выполняющим продразверстки; пробудить в молодежи (призываемой овладеть всеми культурными богатствами прошлого) недоверие и антипатию к интеллигенции (единственному реальному источнику этой культуры для полуграмотного юношества из народа).

«Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора.

Чем больше оставляет себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают, «чем больше они голодают, тем лучше, тем дороже я продам этот хлеб»...

«...Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб».

«Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понят-

но, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, словом человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я имею местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраняю свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа. Такой психологии, такого настроения у коммунистов нет и быть не может». (Подчеркнуто нами).

Подите-ка после этого лечить и учить!

3.

В декабре 1917 года, в статье с невинным названием «Как организовать соревнование» (Соч. изд. IV, т. 26, стр. 367-376) Ленин с поразительной откровенностью натравливает отцов своих будущих комсомольцев на ту же интеллигенцию. Он призывает рабочих и беднейших крестьян соревноваться отнюдь не на производственном поприще. Он пишет (начиная разговор с рабочими об интеллигенции и прочих врагах революции):

«Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм, как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров — господа буржуазные интеллигенты „лугали“ социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты».

Эпитет «буржуазный сразу ставит интеллигента в положение преступника (буржуй значит — враг); этот эпитет равен цен кличке «кулак», подменяющей когда это нужно, в ленинской пропаганде слово «крестьянин»: и эмоционально, и политически он дает адресатам ленинской пропаганды право бить «классового врага».

«Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов; всей этой новожиизненской и прочей слякоти»...

«Несентиментальным» и пока еще «классово-полноценным» в глазах Ленина рабочим и крестьянам недоступен подтекст возмущения Ленина против «новожиизненской и прочей слякоти». Одним из редакторов журнала «Новая жизнь» был Горький. Вот остальной состав редакции:

Б. Авилов, В. Базаров, А. Богданов, В. Брюсов, А. Гойхбарг, Б. Горев, С. Далин, В. Керженцев, Л. Красин, Н. Крестинский, М. Кричевский, А. Лозовский, А. Луначарский, М. Лурье, Р. Макдональд, Л. Мартов, В. Маяковский, М. Павлович, А. Нинкевич, Б. Нозерн, Вяч. Полонский, М. Покровский, Лариса Рейснер, Ромэн Роллан, А. Сви-дерский, Филипп Сноудэн, Ю. Стеклов, К. Тимирязев, А. Н. Толстой, М. Урицкий, Дж. Уэллс, Г. Цыперович, И. Чернышев, Вик. Шкловский и др.

В 1917-1918 гг. «Новая жизнь» регулярно публиковала «Несвоевременные мысли» Горького, по сей день, разумеется, в СССР не переизданные. От «буревестника революции» Ленину не так легко было отмахнуться, вступив с ним в открытый спор. А «буревестник» писал:

«...убиты невинные и честные люди Шингарев, Кокоскин, а у наших властей не хватает ни сил, ни совести предать убийц суду».

«Расстреляны шестеро юных студентов, ни в чем не повинных — это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей».

«Десятками избивают „буржуев“ в Севастополе и Евпатории — и никто не решается спросить творцов „социальной“ революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?»

«За время революции насчитывается уже до 10 тысяч „самосудов“. Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избил его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его».

«Уличные „самосуды“ стали ежедневным „бытовым явлением“, и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы».

«Уничтожив именем пролетариата старые суды, г.г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании „улицы“ ее право на „самосуд“ — звериное право».

«Вероятно, все помнят, что после того, как некий шалун или скучающий лентяй расковырял ножиком кузов автомобиля, в котором ездил Ленин, „Правда“, приняв порчу автомобильного кузова за покушение на жизнь Владимира Ильича, грозно заявила: „За каждую нашу голову мы возь-

мам по сотне голов буржуазии". Видимо, эта арифметика безумия и трусости произвела должное влияние на моряков — вот они уже требуют не сотню, а тысячи голов за голову».

«Самооценка русского человека повышается. Правительство может поставить это в заслугу себе».

В те поры «буревестник» еще не знал, что «если враг не сдастся, его уничтожат», (а если сдастся, то его тем скорее уничтожат, и даже если он не враг — уничтожат: на всякий случай, ибо надо быть очень верным и надежным СОУЧАСТНИКОМ, а не стоять в стороне). Приведенные выше отрывки не исключение в статьях Горького тех времен. Можно себе представить реакцию Ленина на «предательство» Горького (у Ленина все, кто не с ним — предатели). Но он не может ничего противопоставить фактам, приведенным Горьким. И уходя, как всегда от спора по существу идей и событий, Ленин упорно в массе своих выступлений, сеет ненависть ко всему строптивому племени интеллигентов, для масс и без того тождественному ненавистным барам.

«Они думают, что „простой народ“, „простые“ рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция: „Без нас не обойтись“ — утешают себя, привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты».

«Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом, в приемах подхода к делу в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и так далее и тому подобное)».

«В одном месте посадят в тюрьму десяток богатей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьют-

ся быстрого исправления исправимых элементов из богатей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика вырабатывает — ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы».

(В разбивку — курсив Ленина; подчеркнуто — нами).

Потом, когда Ленину-хозяину понадобятся специалисты, он будет высокомерно бранить забывших свое место рабочих Мосгорводопровода, которые затравили (до самоубийства) своего главного инженера — Ольденбургера...

Мы ошиблись бы, полагая, что в подтексте ленинского монолога о «соревновании» расположен его конфликт только с интеллигенцией. Обратите внимание на «хулигански» «отлынивающих от работы» «многих наборщиков» в Питере, особенно в партийных типографиях!

В конце 1917 года в Петрограде упорно сопротивлялись большевикам самые грамотные и организованные рабочие — печатники. Это им адресовано презрительное «хулигански» и высокомерное «отлынивающие от работы». Оговорка «особенно в партийных типографиях» переносит долю ответственности за забастовки на социалистические и демократические партии, враждебные большевикам. «Сознательные» же, т. е. согласные идти за большевиками рабочие, призываются не только к штрейкбрехерству, а к прямому насилию над бастующими товарищами. С этих пор в ленинской публицистике и речах будут множиться прямые и замаскированные нападки на еще сопротивляющийся диктатуре пролетариат — вплоть до XI съезда РКП(б) — последнего съезда Ленина.

Что с того, что статья о «социалистическом соревновании» в «путях истребления и обезвреживания паразитов», в том числе «разгильдяев и истеричек из интеллигенции» была издана несколькими годами позже, уже преемниками Ленина? Он излил в ней душу, выразил свое настроение — вот что главное.

4.

Ленинское стилистическое и смысловое упрощенчество при разговоре с малообразованной аудиторией доходит порой до анекдотического уровня. В 1918-1919 годах он ведет отчаянную организационную и пропагандистскую битву против сторонников правовой демократии, против идей равен-

ства всех граждан перед лицом закона, которое он так умело когда-то эксплуатировал.

Необходимо ввести в железное русло стихию, которой было обещано в 1917 году все, что только могло прийти на ум обещать. В статье «Советская власть и положение женщины» («Беднота», № 478, 7 ноября 1919 г. Соч. т. 30, стр. 99, изд. IV) Ленин пишет: «Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще. Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— Какого класса с каким классом?

(разбивка Ленина)

При том широком наборе полов, которым отличается *homo sapiens* это «какого пола с каким полом» (подчеркнутое в статье дважды) звучит прямо таки умирительно: до чего человек переполнен антипатией к равенству — в полах запутался! Одиозное: «какого пола с каким полом» выдержало без ущерба для автора и редакторов не менее шести изданий: одно — газетное и пять — в собраниях сочинений...

5.

Моральное кредо Ленина разрешает ему прибегать в агитационно-пропагандных целях ко вполне им осознанному обману слушателей. Он сплошь и рядом трезво использует неведение аудитории. Так например, во множестве статей и речей 1917-1920 годов он многократно объясняет рабочим, что на Западе нет никакой демократии. Он обосновывает свое доказательство **одним и тем же** дежурным доводом: у рабочих Запада нет собственных зданий для проведения митингов и собраний — какая же это свобода? Он останавливается на этом примере десятки раз, хотя сам он долго жил на Западе, встречался с рабочими в арендованных ими залах, проводил (отнюдь не на улицах и не в лесу) свои партийные съезды и конференции, и не может не понимать всей смехотворности этого довода, рассчитанного только на бесчисленных чапаевых и нагульновых.

Ленинские обращения к массам умело настроены на преобладающую в массах в данный момент эмоцию. Но в глазах человека образованного, мыслящего и умствен-

но независимого, они и логически и фактически весьма уязвимы. Поэтому ленинская интеллигентофобия вполне естественна как политически, так и психологически. Особенно если учесть, что в глазах наиболее интеллигентных оппонентов Ленина (разумеется, вне его партии), решительно неприемлемым оказывается его моральное кредо. **РЕНЕГАТ ОТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**, Ленин, как всякий ренегат, относится к материнской среде с воинственной антипатией: во-первых, «пережитки» критериев исходной среды нарушают внутреннюю цельность ренегатствующего сознания, которое раздражается против источника досадных помех. Во-вторых, «свои» мешают, путают карты, и еще как. Да еще служат пусть очень слабым, но все же укором: вынуждают оправдываться, что он и делает постоянно, хотя ему очень мало свойственны сомнения в своей правоте.

6.

Для Ленина в сфере его политической деятельности есть только одна фигура, свободная от необходимости соглашаться с Лениным — это он сам. Интеллигенция же только тогда и является **интеллигенцией**, а не просто слоем наемных (а то и закрепощенных или порабощенных) дипломированных **СПЕЦИАЛИСТОВ**, когда она, по выражению Н. Винера, «свободна иметь веру». Без такой свободы специалист так же мало является интеллигентом, как советские колхозник или совхозник — крестьянином. Разумеется, кроме свободы иметь веру, надо еще обладать личной способностью и потребностью быть свободным, но это уже иная плоскость вопроса. Ленин же нагляднейшим и парадоксальнейшим образом представляет собой (в своих глазах) единственного интеллигента в своей партии и в своем государстве (мы говорим сейчас не о реальности, в которой невозможно тотально вытоптать все критерии, кроме верховного, — мы говорим о тенденции и о ее пределе). **ЗА СОБОЙ** он с «младых ногтей» оставляет право «критиковать не нравящееся — священное право всякого публициста»; **СЕБЯ** он никому не разрешает «запутывать» «глупеньким словечком фракционность», **СЕБЕ** он позволяет иронические реплики по адресу «старых книг» (Маркса и Энгельса), которые табу для всех других; **САМ ОН** ни из чего не делает «божка»: ни из какого бы то ни было народного, классового, партийного, цеховского или коминтерновского большинства, ни из революции (см. письма марта 1917 года), ни из собственных обязательств и утверждений, ни из старых друзей и вче-

рашних — для себя же — авторитетов, ни из чьих бы то ни было гражданских и личных прав...

Остальным адресовано угрожающее: «Мы должны сказать, что должны погибнуть... те, кто хотел погубить нас И О КОМ МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ ПОГИБНУТЬ (доклад на II Всероссийском съезде Политпросветов 17 октября 1921 г., Соч. изд. IV, т. 33). Для ДРУГИХ человек, постоянно использовавший право подданного Российской империи на посещение заграницы, требует введения смертной казни «за самовольное возвращение из-за границы» (см. письма к наркому юстиции Курскому о новом кодексе в т. 54 ПСС Ленина). В письме Курскому Ленин развернуто формулирует варианты знаменитой статьи 58-10-11 УК РСФСР, поставившей ГУЛАГу миллионы заключенных:

«Вариант 1:

Пропаганда или агитация или участие в организации и содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и тому подобными средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу».

«Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, **объективно содействующие** той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).»

«Вариант 2б: Пропаганда или агитация, **объективно содействующие или способные содействовать** той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца».

(Ленин. Соч., изд. IV, т. 33, стр. 321-322, подчеркнуто нами).

Кроме того, что здесь объявляются криминальными такие моменты совершенного кем-то поступка, или высказанного кем-то суждения, как **способность** этого шага или суждения «объективно»(?) помочь каким-то противникам советской системы,

в ленинской формулировке скрыт еще и особый смысл.

На особый смысл этой статьи УК РСФСР обращает внимание читателя в одной из своих мемуарных книг М. Бегин (см. М. Бегин, «В белые ночи», Тель Авив, 1978 года). В книге приведены чрезвычайно интересные диалоги между М. Бегиным и его следователем — молодым фанатичным коммунистом.

— Вы обвиняетесь по 58 статье Уголовного кодекса Российской Советской Социалистической Республики. Знаете, о чем говорится в этой статье? Знаете, кто ее сформулировал?

— Нет, не знаю.

— А стоило бы. В 58 статье говорится о контрреволюционной деятельности, измене и диверсии, и сформулировал ее сам Владимир Ильич Ленин.

— Но как может эта статья распространяться на действия, совершенные в Польше?

— Ну и чудак же вы, Менахем Вольфович! 58 статья распространяется на всех людей во всем мире, слышите — **во всем мире!** Весь вопрос в том, когда человек попадет к нам, или когда мы доберемся до него.

Хотя я уже попал к ним, и они добрались до меня и уже применили — не в теории, а на практике — 58 статью, слова следователя заставили меня содрогнуться. Много дней не выходил у меня из головы этот чистосердечный и поразительный ответ, переворачивающий вверх дном все понятия цивилизованного человека о правосудии. Значит, существует в мире страна, Уголовный кодекс и прежде всего статья о контрреволюционной деятельности которой распространяется на каждого из двух с половиной миллиардов жителей земного шара!»

Однако и этим не исчерпываются партийные представления **юриста** Ульянова-Ленина о правосудии и юридическом праве.

В преамбуле к приведенным выше наброскам Ленин пишет Курскому: «Суд должен не устранить террор..., а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать его надо как можно шире, ибо только **революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого**». (Подчеркнуто нами).

(Продолжение следует).

Уильям С. Шламм родился в австрийско-еврейской семье. Первые 14 лет своей жизни он, как он сам об этом сообщает, прожил в австро-венгерской монархии. Затем жил в австрийской республике и бежал в Англию и потом в США от Гитлера, захватившего Австрию. От англо-саксонского времени его жизни он оставил себе английское произношение своего имени: Уильям. В ранней молодости он отдал дань увлечению коммунизмом, но очень скоро понял его сущность, не только поверхностно от него отвернулся, но и глубоко его преодолел, став убежденным и последовательным антикоммунистом и антимакистом.

Именно его бескомпромиссный антикоммунизм был причиной того, что его как автора постепенно вытеснили из всех немецких журналов и газет, даже таких, которые считают сами себя антикоммунистическими; и для них Шлам был слишком бескомпромиссен и глубок, он был для них всегда слишком борцом. Тогда Шлам основал свой журнал «Сцена Времени», в котором скоро стало честью печататься, и куда устремились известные немецкие антикоммунисты и консервативные мыслители.

Духовно Шламм вернулся каким-то образом на свою родину первых 14-ти лет: свой журнал он теперь издает вместе с австрийским наследником престола, эрцгерцогом Отто Габсбургским.

Все статьи Шлама глубоки по содержанию и написаны блестящим, часто острым немецким языком.

Перевод с нем. И. Сабуровой.

К нашему прискорбию мы должны известить читателей, что автор статьи, предусмотренной для № 10 нашего журнала, но отложенной из-за перегруженности материалом, В. С. Шламм скончался 2 сентября 1978 г.

УИЛЬЯМ С. ШЛАММ

«ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ – КОНЕЦ ДЕМОКРАТИИ»

Первые четырнадцать лет моей жизни я провел при монархии, следующие шестьдесят лет в более или менее демократических республиках. Предметом этого наводящего на размышления 75-го номера (издающегося и редактируемого мною) журнала «Ди Цейтбюне» (Сцена Времени) является таким образом **весь** опыт жизни моих 74-х лет. И со мной происходит то же, что с тем человеком, который под намалеванной на стене университета надписью: «Сартр — это как коньяк» совершенно искренно приписал: «Испробовал оба — никакого сходства!»

Даже самые рьяные почитатели средне-европейских республик простят мне, что я праздную их шестидесятилетний юбилей не в слишком восторженном настроении. С другой стороны самые закоренелые монархисты также согласятся со мной, что ни один разумный человек не предложит реставрации, как разрешения актуальной проблемы. Нет, после того, как шестьдесят лет тому назад рухнули среднеевропейские монархии, возникшие на территории Священной

Римской Империи республики прошедших трех и грядущих двух поколений поставлены перед **одной единственной задачей** — защитить *Res publica* от впадения в тиранию, и демократию от «демократизации».

Дело в том, что демократия, как я научился ее понимать и ценить, отнюдь не «господство большинства». Гораздо более она является правовой и действенной защитой **всех** меньшинств (и следовательно прежде всего — личности) от самонадеянности какого-либо случайного большинства. **Каждый** государственный народ состоит из меньшинств — и **только** из меньшинств. И каждое образовавшееся при народном голосовании (выборах) большинство есть не что иное, как мимолетная коалиция обозлившихся меньшинств, соединившихся на момент против **других** меньшинств. Подобное контра-большинство легитимирует власть в лучшем случае по политическому, но никогда по **естественному праву**. Как показала жизнь, всякие демократические выборы являются не чем иным, как (хотя и убедительным) орудием демоскопии: вычис-

ление большинства в цифрах дает надежную информацию о «воле народа» в данный момент — другими словами, отношение опрошенных избирателей в **данный момент** к тому или другому выбранному вопросу. Но эта «воля народа» **после** этого опроса не имеет абсолютно ничего общего с властью.

Прежде всего: еще никогда не существовало такого государства, (будь то монархия, будь то республика), в котором **правил бы народ** (или хотя бы только его большинство). Государство как институт власти возникло только потому, что ни один народ не может управлять сам собой — *per definitionem*. Чтобы иметь возможность существовать **каждая** группа людей, ведущая общественную жизнь, должна доверять урегулирование ее внутренних и внешних отношений власти ведущей элиты. Как при монархиях, так и в республиках, как при демократии так и при тирании — правят **элиты**. То, что отличает республики, от монархии, это выбор и метод отбора властвующей элиты: при монархии правит монарх с его доверенными лицами — при республике правит ведущая бюрократия пришедшей к власти партии (например скажем «парламент»). Как в монархии, так и в республиках «народ» не имеет ничего общего с выбором или призванием правящей в данный момент элиты: как престол, так и партийная бюрократия одни решают, кого может послать «народ» своими «представителями» в какие-либо парламенты. Поэтому тот, кто выступает против монархии и за республику, никак не голосует этим за «народоправство»; он только выражает надежду, что партийная бюрократия может оказаться по своей компетентности и человечности выше монарха. Иногда эта надежда оправдывается, иногда она бывает обманчивой.

Во-вторых, «воля народа» не имеет ничего общего с законодательством и правосудием (за исключением тех редких и все суживающихся областей, где имеется еще законодательный референдум). С законодательством в республиках так же, как в монархиях, в демократиях так же, как в тираниях даже парламенты много сделать не могут: современное законодательство настолько усложнено и настолько связано с совершенно исключительным знанием дела, что правящая элита должна подчиняться еще меньшей сверх-элите профессиональных «мудрецов». (По компетентной оценке, например, во всей западно-германской республике не насчитать и сотни человек, которые могут разобратся в джунглях законов о налогах и тем более легислативно культивировать их).

Таким образом «воля народа» в **лучшем** случае является интересной демоскопической оценкой положения, — а «правление народа» (или хотя бы его большинства) — в **каждом** случае — лживой метафорой. Ни одна из этих обеих глупостей не относится к подлинной ценности демократии. Достойная уважения и законная демократия (как впрочем и достойная уважения и законная монархия) заслуживает уважения и верности исключительно в зависимости от своей способности действительно защищать с правового государственным авторитетом **все личности и все меньшинства от надменности случайного большинства и, паче всего, от любой правящей в данный момент элиты**. Как только монархия или демократическая республика начинает неправильно понимать или поддаваться уступкам в этой своей **единственно** насущной задаче, она умирает. И ее наследником всегда будет тирания. В двадцатом столетии она зовется фашизмом или коммунизмом. Демократия, родившаяся в монархиях девятнадцатого века, процветает в некоторых демократических республиках двадцатого столетия — и ложно понимает самое себя в последней трети двадцатого столетия как «демократизация», — как **политический** принцип вычисления и порядка, который внезапно распространяется на **все** области человеческой жизни. Таким образом демократия становится тоталитарным хаосом.

Так, как биологический организм неизбежно распадается, если один определенный принцип порядка (как, скажем, образования) клеток внезапно распространяется на **все** органические области (рак), так и всякая демократия должна умереть, если **политический** принцип установления большинства проникает в области, в **которых понятия «большинство» вообще нет места** — а именно в семью, воспитание, любовь, церковь, искусство, науку, философию, культуру, хозяйство, театр, спорт, танец, честолюбие, достижение, благотворительность, душу, фантазию, избавление. То есть во все то, что составляет **действительную** жизнь человека и именно поэтому ничего не имеет общего с «большинством». Так же, как и с «волей народа». И уж никак с «волей большинства».

Но чем слабее и смешнее становится **государство**, тем сильнее и бесстыднее становится в средневропейских демократиях претензия тотальности со стороны правящих партийных бюрократий. С вызывающей удивление согласованностью бюрократия **всех** партий, например, все более решающе связывает себя абсурдным принципом соре-

шения, т. е., чтобы в хозяйстве, в высших школах и в театральных предприятиях большинство «служащих» выносило бы решения о том, как вести это предприятие, театр или высшую школу.

А с каждым шагом «демократизации» неполитических областей республика отступает на два шага **назад** из сферы политического управления государством. В этом заключается ненормальная логика государственной политики, деградированной до уровня политики благотворительности: чем более мощно «социальное управление», тем более импотентно управление властью. Человек, **управляемый** правителем **во всех** областях жизни не является больше человеком, которого этот правитель **охраняет**. Когда же он, наконец, поглотит половину «общества», то перенасыщенное государство становится неспособным к действию, не влезает больше ни в какую форму и хиреет от перенасыщения.

То, чему здравомыслящие люди должны были бы научиться за шестьдесят лет средневропейской демократии, заключается в следующих трех тезисах:

Во-первых: еще меньше, чем **самого себя**, следует обоготворять **«большинство»**. Ибо кто обоготворяет только самого себя, будет искупать это только **собственной** душой; но кто считает «глас народа» гласом Божиим, тот становится ответственным за падение во грех **всего** своего народа. В современной истории не было большего большинства, восторженно восхвалявшего правителя, чем то, которое приветствовало и стояло за Гитлером и Сталиным.

Во-вторых: не иначе как в конституционной монархии, законность правления и в демократической республике покоится **исключительно** на ее правогосударственности — другими словами на эффективной защите **всех** лиц и **всех** меньшинств от произвола

преступников и от глупости «большинства».

В-третьих: государство, то-есть аппарат политического управления, должно прилагать **все** усилия для соблюдения **политического** порядка и **отнюдь не заботиться** вообще о **личной** области жизни своих граждан. Поскольку демократическая республика (или конституционная монархия) дегенерирует до уровня благотворительного государства и вследствие этого не может защитить ни само государство, ни своих граждан от преступления и нападения, то эта демократическая республика или конституционная монархия теряет право на уважение и поддержку.

Нет, нам нужно **не** «больше демократии» (читай: «демократизации»), а больше **государства** там, где нам государство **нужно**; следовательно **не** в неполитических областях жизни, а в области защиты государства, защиты правосудия и защиты порядка. Итак, **больше** государственности в **меньшем** числе жизненных областей!

Когда шестьдесят лет тому назад рухнули средневропейские монархии, их демократические институты пережили это падение и развивались и росли дальше. Поскольку в демократических республиках средней Европы остались эти корни, они заслуживают нашего уважения. Поскольку же они поддались тоталитарному стремлению к «демократизации», мы им не доверяем. Сколько времени смогут еще существовать извращенные до уровня государственной благотворительности республики, я не знаю. Но в течение ближайших двух лет — в 1979 году будет впервые избран Европейский Парламент и в 1980 году будет избран, может быть, в последний раз германский Бундестаг — тогда выпадет решение. Чего мы **потом** еще не будем знать, может уже не иметь значения, как не имеет уже значения дым сожженного до гла отеческого дома.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

В литературном отношении №108 «Грани» разочаровывает. Оба тут помещенные прозаические произведения, повесть В. Нечаева «Одиноким сдается угол» и отрывки из романа Ю. Карачиевского «Жизнь Александра Зильбера» очень слабы. У Нечаева есть еще проблески, позволяющие думать, что он просто неудачно выбрал себе форму: писать сумбурные фан-

тастические истории легко; трудно писать их **хорошо**. Он явно подражает Орвеллу; но у него не выходит. Что же до Карачиевского, в его нудном, растянутом, сгущенно реалистическом сочинении и сплешков не заметно. Как критик, он настаивает всегда (см. например, «Грани» №106) на важности чисто эстетического критерия при оценке беллетристики; подобный ме-

тод, в применении к нему самому, однако, вовсе ему не благоприятен.

В безымянном отрывке «Из переписки двух священников» много трогательного и любопытного в описании быта России сейчас, но особенно значительным нам кажется следующее место, по поводу разговора с одним крестьянином: «Эта неожиданная речь Степана, который сам про себя говорит, что он грешный, пьет вино, который сознает себя недостойным, чтобы Бог услышал его молитву, ошеломила меня.» «Вот она где, Святая-то Русь — подумал я — сюда бы Достоевского. Он бы, наверное, был рад увидеть в действительности нашего антихристианского общества подтверждение своего прогноза, что в толще своей, внутри себя, под грязной подчас рубахой внешности, — русский... человек... хранит свою веру... внешность эта не достигает глубины его души. Там теплится уголек веры; там хранится запас непобедимой преданности делу, за которое отдал Свою Жизнь Христос Спаситель»...

В отделе критики прекрасна обстоятельная статья Светланы Умрихиной «Мистический план романа «Бесы». Дельные, верные наблюдения в ней разбросаны щедро рукою. Например: «Дождь, ветер и мрак сопровождают буквально все ключевые эпизоды романа и становятся особенно зловещими в те моменты, когда бесы целиком овладевают своими жертвами».

Во второй части огромного этюда Э. Райса «Против реалистического романа» еще хуже, чем в первой, угнетает буффорская ученость автора. Он с чувством и расстановкой толкует нам про **священную книгу Пополо Вух**. А такой и не существует; есть майянский манускрипт **Пополь Вух**. Опечатка? Но у Райса неточностей пруд пруди; а капризов и того больше. Непонятно и то, зачем известный американский романист Натаниэль Готорн становится... **Хоузорном**? Или отчего всемирно знаменитая книга Эмилии Бронте «Ревушие перевалы» превращается в «Мрачный ветер вершин»?

Свою филиппику против **реализма** вообще Райс, не без передержки подменяет критикой **соцреализма**; каковой, ясно, обороны не заслуживает. Но ведь, вопреки долготу господству оно, русские писатели, как только от него освобождаются, создают отличные вещи: Солженицын, Солухин, Домбровский и даже Максимов.

Основное жало статьи направлено против Льва Толстого; но столь несправедливо и неубедительно, что даже у тех, кто (как автор этих строк) решительно пред-

почитает Достоевского Толстому, возникает сразу же внутренний отпор. Как мыслимо всерьез утверждать, будто бы бледный морализующий «Фальшивый купон» лучше «Войны и мира»?! А злость Райса на графа Толстого за его аристократизм выглядит чрезвычайно мелко. Что делать, наша литература, — когда настоящая — всегда насквозь аристократична.

Совершенно произволен даваемый Райсом список десятка шедевров в сфере романа; любой из нас мог бы с равным успехом предложить иной перечень, не менее достойный признания. Свой личный вкус выражает он и ссылаясь с восторгом на «зловеще уродливые веревочные лица пикассовских женщин», на Сальватора Дали и на «творчество немецких экспрессионистов или американских битников». Кому что нравится!

Главная-то мысль Райса — о ценности фантастической литературы, как мастеров которой он указывает Гоголя, Тургенева, А. К. Толстого, В. Ф. Одоевского, А. Погорельского, — вполне бы защитима. Но он столько к этому тезису притягивает лишнего и вздорного, что вызывает у читателя одну досаду. А вот о **каком** читателе все время рассуждает сам Райс — диву даешься! Видимо, он имеет в виду некоего пресыщенного, самодовольного и крайне тупоголового сноба.

Насчет «Подступов к Зияющим высотам» Р. Лерх, которым она сама дает подзаголовок «Опыт ненаучного анализа», позволим себе заметить, что даже и в совсем ненаучном анализе не следует все же писать (многократно!) **Санчо Пансо** вместо **Санчо Панса**. Вот тоже и В. Нечаев, в статье «Нравственное значение неофициальной литературы», зря пишет о «выставке в **Беляево**». Так мы начнем скоро говорить: «Пушкин учился в **Царское Село**» и «битва произошла на **Куликово Поле**». Что уже будет не русский язык, а уродливая тарабарщина.

Исследование В. Чернявского о Ф. Сологубе под заглавием «Обреченный бессмертию», интересно; но никак не исчерпывает проблем сложного и жуткого писателя, глубоко погруженного в бездны сатанизма, постоянно метавшегося между Богом и дьяволом. Оно отчасти связано с тем, что автор концентрируется на романе «Мелкий бес», обходя столь важные и характерные для Сологуба «Навыи чары», и лишь мельком касаясь его стихов.

Интерес № 16 «Континента» сосредоточен не в литературной части. В ней мы находим стихи хоть и известных поэтов —

В. Иверни, В. Делоне, Л. Владимировой, В. Перелешина, И. Чиннова, Г. Сапгира, — но посредственные; не лучше и переводы с украинского И. Качуровского; если в оригинале переложенные им на русский язык стихотворения и имели художественные достоинства, то в его передаче они оные полностью утратили. Что до очередного фрагмента из романа В. Максимова «Ковчег для незваных», — напрасно он пытается соперничать с Солженицыным; портрет Сталина в его версии не идет ни в какое сравнение с блестящим изображением того же чудовищного тирана, знакомым нам по книге «В круге первом».

Зато в данном номере с непривычной откровенностью раскрывается **политическое** лицо журнаала, или, вернее, результат давно уже нами наблюдаемой его эволюции налево! Очевидно, пришел час, когда:

*Quidquid latet apparebit,
Nil inultum remanebit.*

В «Венгерском дневнике» польский журналист В. Ворошильский с гордостью именует себя коммунистом и описывает, как он, в период будапештского восстания, все время боялся, как бы в нем не стали играть роль какие-либо бывшие хортисты или аристократы. Невольно вспоминается выступление в Париже в тот момент одного из видных участников восстания, смело ответившего на придирчивые вопросы левых репортеров: «Если человек берет винтовку и становится на баррикаду, мы не допытываемся о его прошлом». Оставив уже в стороне мерзкую манеру Ворошильского смешивать понятия **русский** и **большевик**. Ему, впрочем, подобное смешение явно необходимо...

Польский Аноним (а зачем аноним, когда существует псевдоним?) с ужимками, но не без самодовольства, сообщает, что поляки русских презирают. Оставим утверждение на его совести, и выразим наше к нему равнодушие. Уважая от души польский народ и польскую культуру, мы ждем от разумной части польской нации такого же к себе отношения; а не разумная, та пусть себе делает, что хочет.

В «Испанском блокноте» К. Хенкин вспоминает, с оттенком удовлетворения, о своем участии в гражданской войне в Испании, на стороне красных. По нашему разумению тут хвалиться нечем. Тем более, что он был старым эмигрантом (позже вернулся в СССР, откуда выехал в Израиль). Правда он, кажется, кое-что себе уяснил, в конце концов, насчет коммунизма. Противно, тем не менее, что он посвящает свой

очерк А. Эйнеру, беспросветно темной личности, из числа белых русских, дравшихся в Испании за коммунистов, и поминает с сочувствием о ренегате и провокаторе Эфроне; да еще и рассказывает о своей дружбе с видными чекистами, включая и «полковника Абеля»....

Единственная мало-мальски симпатичная и свежая по форме вещь в номере, это «Письма» А. Лосева; автор, в прошлом журналист на Сахалине, приводит ряд курьезных, характерных и порою трогательных выдержек из писем читателей в редакцию советской провинциальной газеты.

Подстать содержанию и оформление «Континента»: сверхмодерная советская орфография, со всеми ее нелепостями, включая абсурдную транскрипцию иностранных имен и фамилий. Так, итальянское имя **Лючио** превращается в... **Лучо!** И тут же, в диком противоречии с окружающим, слово **мир** набирается, Бог весть с какой стати, через десятиричное **и...** Возмутительнее всего — недопустимое написание **Вацлав Белоградски** вместо **Белоградский**. Чешские и словацкие фамилии у нас испокон писались и пишутся: **Коменский, Добровский, Палацкий**. Как редакция склоняет выкованное ею абсурдное новообразование? **Статья Вацлава Белоградски**, или как еще? Кто дал журналу третьей волны право вводить в нашу речь подобные сумасшедшие новшества?!

Забавный курьез: в заметке «Памяти друга», посвященной Ю. Домбровскому, редактор ухитрился перепутать заглавие романа недавно скончавшегося талантливого писателя: «**Хранитель древности**» вместо «**Хранитель древностей**»! Очевидно, г-н Максимов этой замечательной книги не читал: советуем прочесть. А то — вроде анекдота о даме, сказавшей будто бы Л. Толстому, что любит его произведения «**Детство отрока**» и «**Военный мир**».

Из журнала антикоммунистического, каким он был или, по крайней мере, казался, «Континент» перевоплотился в орган внутривластной коммунистической оппозиции. Добрый путь! Констатируем, что наши с ним дороги окончательно разошлись.

О. Димитрий Дудко трезво предостерегает «Русское Возрождение» (№ 3): «Как бы не обвинили в узком национализме и шовинизме». Опасность и впрямь налицо; но если обвинят по недоразумению, то беда не велика. А вот как бы подобное обвинение не сделалось заслуженным; тогда уже плохо.

В журнале много пишут покойники: Максимилиан Волошин, профессор И. А. Ильин и др. С ними полемизировать мы не станем.

Статья, с которой можно в целом согласиться, это «Зарок непримиримости». А Михайловского. Коммунизм подлинно есть **сатанократия**. Справедливо и разоблачение некоторых «интернациональных и интернационалистических кругов»: «Их прямая и насущная задача... разрушение «Советской Империи» должно стать гибелью Российской Империи. А этим разрушается международный фронт антикоммунизма». Оно верно; но во избежание этого нам самим надо как огня опасаться «узкого национализма и шовинизма», проницательно предугаданных о. Димитрием Дудко.

Что до статьи Г. Хомякова «Совмещение несовместимого», его тезисы более чем сомнительны. Он ищет корней соцреализма в Серебряном Веке; а тот, наоборот, при всех своих грехах и причудах, стоял под знаком отречения от шестидесятнического материализма и под знаком устремления к духовному и неземному. Общее можно найти лишь по принципу *post hoc, ergo propter hoc*: социалистический реализм настал после (хотя и не сразу!) Серебряного Века; но вырос-то он из марксизма (а отчасти и из шестидесятничества). Путь, избранный Хомяковым, столь же превратен, как делавшиеся В. Варшавским попытки объяснить большевизм на базе... испанской инквизиции!

Размышления В. Алексеева о том, хотел ли Гитлер взять Москву и Ленинград, страдают профессорской отвлеченностью. *A la guerre, comme a la guerre*, все определяется обстоятельствами. Вряд ли бы немцы разрушили огромные города, попади они им в руки (чересчур невыгодно!) Недостаток же желания ими овладеть больше вытекал из того, что тогда бы острее встала проблема русского правительства. Но неудача Гитлера была предрешена его политикой в целом; и нет смысла гадать, что бы произошло в случае его победы...

В № 9 парижского журнала «Le Choix», издающегося Обществом Друзей Димитрия Панина, привлекает внимание статья Ж. Гофмана о положении в настоящий момент в экваториальной Африке, содержащая оригинальную и существенную информацию, при том же, повидимому, из первых рук.

Отметим в «Русской Жизни» от 28 сентября статью «Россия и монархия», не подписанную и крайне сжатую, но тем не ме-

нее весьма интересную и охватывающую значительно более широкий круг тем, чем на то указывает ее название. Автор, в частности, выражает вполне верную мысль, что вторая эмиграция во многом даже лучше сохранила традиции старой России, чем первая (что и понятно, ибо она представила куда более разнообразные слои населения), в области политической, религиозной и бытовой.

В «Единении» выделяются яркие и драматические воспоминания Б. Турчанинова из времен последней мировой войны об антибольшевистских казачьих формированиях на оккупированной немцами территории СССР под скромным заглавием «Путевые заметки», и живой и непосредственно сделанный репортаж Инны Смолинской «Из Риги в Австралию». Наоборот, скверное чувство остается от статьи Н. Рутыча в номере от 28 июля, полной славословий еврокоммунизму, в первую очередь испанскому. Автор ее уже не в первый раз исполняет роль адвоката дьявола; но зачем его печатают?

Не совсем благополучно обстоит у австралийской газеты с языком. Не только она переняла у советской прессы анекдотическое переименование Камбоджи в **Кампучию**, но даже и называет теперешнего римского Папу **Джон-Павел** вместо **Иоанн-Павел**!

Но, конечно, далеко «Единению» по части всяческих лягушечек и промахов, до «Русской Мысли», малограмотные сотрудники которой продолжают уныло тупить ничтоже сумняшеся, **Галла Пласидия** вместо **Галла Плацидия**, и даже **император Бажазе** вместо **султан Баязет**! Настолько, что Ю. Иваск не выдержал и в письме в редакцию заступился за другого императора, византийского, Феодосия, какового газета перекрестила в **Федоса...** Мимоходом отметим, что там же были однажды опубликованы странные «Парижские стихи» Райнера-Марии Рильке, в коих все время речь шла о Малой Стране и о Влтаве; находящихся, собственно то говоря, не в Париже, а в Праге!

Все же и на фоне «Русской Мысли» поражает статья Ю. Мейера, в номере от 2-го ноября все о той же многострадальной Камбодже, которую он явно путает, впрочем, с Аннамом: тут нам, между делом, сообщается следующее о кхмерах: «Еще сто лет тому назад они были на уровне каменного века» и будто бы стояли на «крайне низкой степени культурного развития».

Если Ю. Мейер заглянет в «Граммати-

ку кхмерского языка» Ю. Горгониева (Москва, 1966), то обнаружит там такие сведения: «Кхмерский язык — государственный язык Камбоджи... Кхмерским языком как родным пользуется около 5 млн. 10 тыс. человек в Камбодже... Первая надпись на кхмерском языке датируется VII в. н.э.». С пользой для себя мог бы он прочесть (если понимает по-французски) и маленькую книжку Соланж Тьерри «Кхмеры» (Париж, 1964).

Шутка, мистификация, или недоразумение? «Нива» (№ 15) приводит фотографию Солженицына... у гроба Сталина. В реальности, это — монтаж, сделанный из снимка писателя на похоронах Твардовского и другого, представляющего Сталина в гробу. В момент смерти кремлевского диктатора Александр Исаевич был в лагере и не мог находиться в Москве; да и легко заметить, что он тут гораздо старше, чем он был в те годы.

Как сообщает заметка от редакции, № 125 «Вестника РХД» «состоит целиком из самиздатского сборника, составленного в России», в ответ на статьи, помещенные прежде в «Вестнике» «молодых и ретивых авторов», которые «подвергали поспешной и несколько самонадеянной критике общее историческое развитие России».

Ответы эти ослепительные и для противников убийственные. Ибо статьи И. Дубровского, В. Борисова, И. Шафаревича, А. Филиппова, Б. Михайлова и других написаны на таком культурном — и надо добавить моральном — уровне, который просто недоступен начетчикам марксизма, заполняющим ныне русскую эмигрантскую прессу, все более и более начинающую говорить с неприятными советскими интонациями. Об этих последних хочется сказать словами А. Безыменского:

Прочел он «Капитал» когда-то.
Исполнен мудростью такой,
Одну и ту же врет цитату
Во здравье и за упокой.

Сплошное удовольствие, как их оппоненты, на страницах «Вестника» их укладывают шутя на обе лопатки, раскрывая их умышленные переделки и их неумышленные промахи по невежеству по самым разным вопросам, будь то об учении инок Филофея о Третьем Риме или о возникновении «Повести о мутьянской воеводе Дракуле». Мораль: не надо рассуждать, тем паче в печати, о предметах, которые знаешь плохо; а таковыми, для гг. Копелева, Меерсона-Аксенова, Литвинова, Шрагина, Мед-

ведевых и Ко является история России, и в особенности Московской Руси.

Большую ценность имеет серьезное исследование С. И. Фуделя о А. Хомякове; «Слова о Царствии Небесном» о. Димитрия Дудко чудесны.

Во второй главе мемуаров Р. Б. Гуля «Я унес Россию» в № 132 «Нового Журнала», наиболее значительное — описание его встреч с Мариной Цветаевой. К сожалению у них, видимо, не имелось особой духовной близости и подлинного взаимного понимания. Все же, Гуль дает о ней чрезвычайно меткий отзыв: «Она была каким-то Божиим ребенком в мире людей. И этот мир ее со всех сторон своими углами резал и ранил». И тут же приводит ее собственные слова: «Я люблю небо и ангелов: там и с ними я бы сумела».

В этом же номере «Военнопленный № 7172» П. Палия сам по себе вполне удачен; но чувствуется, что это лишь кусок из большого повествования; чтобы судить с толком, надо бы его прочесть все.

На «Синтаксисе» (еще один парижский журнал! №№ 1-2) лежит отталкивающий налет литературного снобизма. Н. Рубинштейн вспоминает, как на третьем курсе она и ее друзья пытались разговаривать стихами и вообще дурили. На первом курсе оно естественно; куда ни шло и на третьем; а вот взрослым людям к лицу ли столь инфантильные игры? Ее же очерк «Дом без поэта» об ее знакомстве с вдовой Максимилиана Волошина совершенно превосходен (несомненно это — лучшее из всего, опубликованного покамест в «Синтаксисе»). Тут все просто и искренно, и, главное, свободно от вызывающих, крикливых ноток, которые часто портят критические статьи безусловно способной и умелой журналистки.

Читая мысли талантливой М. Каганской о Набокове, жалеешь, что она не выбрала более достойный сюжет. Стоит ли с серьезным видом рассуждать вновь и вновь о грехе автора «Лолиты»? Да его основной грех — дурной вкус! И сей грех в литературе непростителен (даже когда и приносит на время успех и бешеные деньги; что случается).

Любопытна полемика А. Янова с Г. Шимановым о целях государства. Не правы оба. Но Шиманов (которого Янов разоблачает в соглашательстве с большевизмом; все же, не забудем, что он живет в СССР) ставит вполне дельный вопрос: «Разве можно назвать полноценной властью демократические режимы, которые эмансипирова-

лись от решения нравственных задач до чисто фискальных и полицейских функций?» Янов же — для него естественно и как у него всегда выходит — все сводит к еврейскому вопросу; и это уже скучно (ведь в который раз!)

Синявский, подписываясь **Терц**, пользуется предлогом изучения советских анекдотов, чтобы поднести публике вещи вчистую омерзительные и неприличные. Мы его достаточно уже знаем, чтобы не удивляться...

Ну, здесь можно с гадливостью отвернуться. Более сложные чувства встают в душе от его статьи под действительным именем «Называя имена». Сперва — негодование; а потом жалость к несчастному, одержимому, разъедаемому ненавистью человеку. Он начал с оскорбления памяти Пушкина, Гоголя и Чехова, проявив себя врагом русской культуры. Теперь он злобно глумится над Россией и русским народом в целом, доходя до неистового, оголтелого беснования. Если когда-либо он окажется в состоянии взглянуть на себя со стороны, осознать, что он делает, в какую бездну упал — какой жгучий стыд он испытывает! Помолится за заблудшего дивными строками Бодлера:

*Seigneur, donnez lui la force et le courage
De contempler son coeur et son corps
sans degout!*

Синявский трактует об антисемитизме. Будь его цель — защита евреев, ему бы многое можно простить ради гуманных намерений. Но легко разгадать, что участь евреев его ничуть не беспокоит: ему бы излить свою ярость на Россию. Да и что уж за польза русским евреям, когда их сравнивают с русскими, среди коих они живут?

С точки зрения логики построение данной дискуссии абсурдно. Дано интервью с неназванным советским писателем (точное ли? подлинное ли?) Отвечая ему, Синявский ссылается на некоего русского интеллигента, встреченного в концлагере, каковому он влагает в уста всяческие дикости, чтобы потом их без труда опровергнуть! Даже если он столкнулся и впрямь в жутких зонах архипелага Гулаг с остервенелым эзком, бранившим все народы, кроме русского — с чего валить ответственность за его полубред на славянофилов *in cogrore* и на русских патриотов поголовно? Неизвестный же писатель допрашивавшему его репортеру сказал и вещи вовсе неглупые, например: «Русский человек не может быть антисемитом. Для него это не является проблемой проблем.»

Как факт, для России еврейский вопрос — один из многих, и не главный. Его, как и другие, мы должны решить человечно и справедливо. Но заниматься все время им одним не хотим и не можем. Спрашиваешь себя даже, не порождают ли антисемитизма самые эти крики о нем и тоиски его повсюду? Такими средствами его можно вызвать и там, где его нет...

Если безумства Синявского наводят на раздумье, наскоки Л. Ладова возбуждают разве что смех. Он горько плачется, будто русские не умеют спорить; похоже, что его нередко побивали в спорах. *Inde ira?* И откуда он взял, что на Западе спорят иначе, с большей якобы терпимостью? Пусть последит внимательнее за политическими, литературными, да хотя бы и научными полемиками в европейской печати!

Притом же, сам он ни малейшей толерантности не проявляет, и его метод дискуссии сводится к обидным насмешкам над собеседником; разойдясь во мнениях с Л. Бородиным, он того сразу же записал в большевики! О Демократическом Движении он объявляет (надеемся и даже уверены, ложно) следующее: «Эта западная ориентация с неумолимой логикой вела к повальному отрицанию всего советского, а далее — и всего русского вообще». Будь это верно, как же мы, русские, можем на его участников смотреть, кроме как на врагов? С беспокойством гадаем, как-то темпераментный и чувствительный Ладов переживет сокрушительную отповедь славянофилов его друзьям и соратникам (о чем см. выше), да еще и напечатанную в «Вестнике РХД», журнале, каковой он, похоже, считает в доску своим?

Философская статья А. Патигорского «В сторону Глюксмана» была бы невинным пустозвонством, и о ней было бы в пору сказать, как Козьма Прутков: «Если у тебя есть фонтан, заткни его!» Однако, она еще и пересыпана выражениями, которые именуются непечатными, ибо их, нормально не пропускают в печать. В научной или хотя бы в полунаучной статье они и вовсе уж неуместны! Да как это втолковать образованцу, у которого ученость есть (не ахти какая, понятно), а культуры нету?

Пламенная кампания Л. Копелева за отмену смертной казни — рассуждения комнатного теоретика и крайне наивного гуманиста. В западном мире, где мирные граждане в наши дни живут под непрерывным нажимом гангстеров и террористов, и не получают должной защиты от государства, не решающегося их обуздать, его прекрасно-

душные фразы звучат нестерпимой фальшью. Вспомним, что и большевики болтали об уничтожении смертной казни,... а результаты мы знаем.

Мы с огорчением узнали о смерти 7 августа с. г. редактора журнала «Согласие» в Лос Анжелесе, Сергея Алексеевича Лопухина. Выехавший из СССР подростком с семьей в 30-ые годы в Эстонию, он по крови происходил из старинного дворянского рода, часто поминаемого в анналах отечественной истории. В его лице эмиграция потеряла безусловно честного и высоко

культурного человека. Не со всеми его взглядами — особенно в области международной политики — мы могли бы согласиться; но это не мешает нам признавать его заслуги и относиться с уважением к его памяти.

П.С. В прошлом «Обзоре», кроме досадных мелких ошибок, неверно напечатано имя румынского короля: **Карол** вместо **Кароль** (как оно принято). Перед словом **беллетрист**, относящимся к Потапенко, пропущен эпитет **весьма талантливый**, каковой он бесспорно заслуживает.

Информация:

Когда А. Синявский 20 ноября 1978 г. читал доклад в Колумбийском университете в Нью Йорке в связи с присужденной ему литературной премией, перед зданием университета состоялась демонстрация русских. Были плакаты по-русски и по-английски со следующими текстами: 1) Если Россия сука, то кто мать и отец Синявского и кто он сам? 2) Синявский — литературный хулиган. 3) Синявский оскорбил Пушкина. 4) Премия за хулиганство и за суку? 5) Стыд и срам, товарищ Абрам.

Устроители демонстрации объясняли, что сказав: «Россия — Мать, Россия — сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором, — дитя» («Континент» № 1) А. Синявский оскорбил не только Россию, но и евреев и Израиль, назвав его фактически «помойкой». В то время, как многие евреи с величайшим мужеством, терпя лишения и даже аресты добивались разрешения на выезд в эту «помойку». Да и западные демократические страны, в которых некоторые из выехавших предпочли обосноваться, никак нельзя назвать «помойкой».

Были возражения, что А. Синявский назвал «сукой» не Россию, а СССР. На это участники демонстрации отвечают, что за 5 лет у живущего в свободном мире во «Франции-помойке», Синявском было много времени разъяснить это недоразумение, если это вообще недоразумение.

К сообщению об этой демонстрации как о факте, заслуживающему внимания, мы лично прибавим нашу печаль о том, что А. Синявский губит свой собственный талант такими вещами. Вот в своем интервью с «Рус-

ской Мыслью» (11 января 1979 г.) А. Синявский сказал, что в лагере кинулся к Пушкину с отчаяния, что он как бы спасался Пушкиным. Но ведь он назвал великого поэта вампиром и трупоедом! Как же он спасался у такого «негодяя»? Как можно спастись человеком, которого смешиваешь до такой степени с грязью? Все это непонятно и грустно. Вместо нелепых и ничего необъясняющих слов А. Синявский мог бы мужественно обдумать и передумать то, что написал раньше, и открыто изложить свои мысли, если нужно, то и признав свои ошибки. Если же он ничего из написанного ошибочным не считает, то об этом тоже следует сказать прямо и мужественно, а не обходить центральный вопрос лишними словами. Это наше мнение.

Редакция.

Главный редактор: В. Пирожкова
Секретарь редакции: И. Сабурова
Verantwortlich für den Inhalt:
V. Piroshkova

Адрес редакции: Frau I. Saburova
Regattaweg 88
D-8000 Munchen 50
BR Deutschland

Банковский счет —
Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

